

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки)

Уголовное право и процесс

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему «Ответственность лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, по уголовному праву России»

Студент

А.А. Лаврентьева

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

д-р юрид. наук, профессор, П.В. Агапов

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2021

Оглавление

Введение	3
Глава 1 Теоретико-правовой анализ уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии	8
1.1 Эволюция уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии	8
1.2 Преступления, совершаемые лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии в системе преступлений Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации	16
1.3 Лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии как специальный субъект преступления	23
Глава 2 Уголовно-правовой анализ составов преступлений, совершаемых лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии	33
2.1 Уголовно-правовой анализ организации преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней) лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии	33
2.2 Уголовно-правовой анализ занятия высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ)	43
Глава 3 Вопросы уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии	52
3.1 Проблемы квалификации преступлений, совершаемых лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии	52
3.2 Вопросы назначения наказания лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии	62
Заключение	68
Список используемой литературы и используемых источников	72

Введение

Актуальность темы исследования. На всем периоде существования государственности преступность является одним из его спутников. Несмотря на предпринимаемые государством меры, искоренить данное явление по сей день не получилось. Одними из наиболее общественно опасных видов преступности являются организованная и профессиональная. В Стратегии национальной безопасности, утвержденной Президентом РФ 31 декабря 2015 года, организованная преступность провозглашена как одна из угроз общественной безопасности государства.

На протяжении длительного времени в российском уголовном законодательстве отсутствовала возможность привлечения к ответственности преступных лидеров, как специальных субъектов уголовной ответственности в виду особой опасности в силу их влиятельного положения и непререкаемого авторитета в преступной среде.

Установление в Уголовном кодексе Российской Федерации вначале уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии за организацию преступного сообщества, а затем за занятие такого положения вызвало в научной и общественной среде, а также среди практиков множество дискуссий.

Мнения ученых относительно ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, разделились, начиная от их неприемлемости по причине несоответствия концептуальным положениям уголовного права до, несмотря на противоречивость основам уголовного права, актуальной и обладающей позитивным потенциалом критики частных моментов, а не самого факта появления данных норм.

Закрепленное законодателем в уголовном законе понятие «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии», «занятие высшего положения в преступной иерархии», на сегодняшний день остается не раскрытым. Не сформулированы указанные дефиниции нормы и в

Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)», в котором дано «невразумительное толкование» лишь признаков занятия высшего положения в преступной иерархии. В действующем законодательстве вообще отсутствует норма, определяющая правовое положение лица в преступном мире, которое в свою очередь определяется «стратами» самого преступного мира.

Таким образом, в практической деятельности при квалификации указанных деяний перед правоприменителем предстает огромное количество вопросов, от характера ответа на которые зависит возможность эффективной реализации норм уголовного закона, предусматривающих ответственность лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, и представляющих собой одну из сторон борьбы с организованной и профессиональной преступностью, оказывающих негативное и разрушительное влияние не только на политические и экономические общественные отношения, но и деморализующие общество в целом.

Степень научной разработанности темы исследования. Вопросы, связанные с ответственностью лиц, относящихся к высшей преступной иерархии, являются активно разрабатываемыми в науке уголовного права и криминологии. Основное внимание ученые уделяют разработке понятия лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии (Д.А. Григорьев, А. Рагулин, В. Фефелов и др.), признакам, характеризующим данное лицо (А.В. Сенатов, Д.А. Григорьев, В.И. Морозов и др.), особенностям их уголовной ответственности (А.Я. Гришко, Н.А. Егорова, А.Г. Егоров, Г.В. Пережогина и др.) и вопросам квалификации (В.С. Ишигеев, В.Л. Лапша и др.).

Несмотря на большое внимание со стороны научной общественности к ответственности преступных лидеров, по многим вопросам среди ученых не достигнуто согласия. При этом в виду малого количества возбужденных

уголовных дел в отношении таких лиц, которые по большей части заканчиваются прекращением производства по ним, научные публикации в большинстве своем имеют научно-теоретическое значение без реальной апробации на практике. Этот факт еще раз подчеркивает не только научно-теоретическую, но и практическую значимость заявленной темы настоящей магистерской диссертации.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в процессе реализации уголовной ответственности в отношении лиц, занимающих лидирующее положение в преступной иерархии как специальных субъектов конкретных составов преступлений, законодательно закрепленных в Уголовном кодексе Российской Федерации.

Предметом исследования являются нормы действующего уголовного закона, закрепляющие уголовную ответственность лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии как специальных субъектов и материалы правоприменительной практики.

Цель исследования и задачи исследования – провести комплексный теоретико-правовой анализ уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии с учетом правоприменительной практики.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- рассмотреть эволюцию уголовной ответственности лица, занимающего высшее положение в преступной среде;
- определить место преступлений, совершаемых такими лицами в системе Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации;
- рассмотреть и определить понятие и признаки лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии как специального субъекта преступления;

- провести уголовно-правовой анализ состава преступления, предусмотренного частью 4 статьи 210 Уголовного кодекса Российской Федерации;
- исследовать состав занятия высшего положения в преступной иерархии, т.е. преступления, предусмотренного статьей 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации;
- выявить проблемы, возникающие при квалификации преступлений, совершаемых лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии;
- рассмотреть вопросы, возникающие при назначении наказаний лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии.

Методология и методика исследования представлена комплексом методов научного познания. При разработке основных положений исследования использовался диалектический метод познания, позволяющий исследовать проблемные аспекты темы магистерской диссертации в историческом, логическом, взаимосвязанном и взаимообусловленном явлении. Применялся метод объективного и всестороннего анализа специальных субъектов составов преступлений, предусмотренных частью 4 статьи 210 и статьи 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Системный метод исследования позволил определить понятие и признаки лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии. Формально-логические методы исследования позволили наметить подходы и пути совершенствования уголовной ответственности таких лиц.

Теоретическую основу исследования составили труды следующих ученых: П.В. Агапова, В.Н. Бурлакова, В.В. Бычкова, В.И. Гладких, Д.А. Григорьева, А.Я. Гришко, Н.А. Егоровой, М.Г. Жилкина, Н.Г. Кадникова, М.С. Кармановского, А.Н. Мондохонова, И.В. Пантюхиной, Г.В. Пережогойной, П.А. Скобликова, Е.А. Хлебницыной, Ю.А. Цветкова, Т.В. Якушевой и др.

Нормативную базу исследования составляют: Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации и другие федеральные законы и нормативные правовые акты, регулирующие вопросы ответственности лидеров преступной иерархии.

Научная новизна исследования отражена в целях и задачах, а также в положениях, выносимых на защиту. Магистерская диссертация представляет собой попытку комплексного исследования уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии в соответствии с нормами действующего уголовного закона в актуальной редакции на момент написания работы с учетом имеющейся судебной практики.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования материалов работы в учебно-методических целях при чтении курсов по дисциплинам «Уголовное право. Особенная часть» и «Криминология».

Структурно работа включает: введение, три главы, семь параграфов, заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Теоретико-правовой анализ уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии

1.1 Эволюция уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии

Уголовная ответственность лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, имеет сравнительно недавнюю историю. Однако следует заметить, что развитие отечественного уголовного законодательства в части ответственности указанных лиц непосредственно связано с институтом соучастия, который был известен еще древнерусскому праву.

Уже в первом памятнике древнерусского права (начала XI – конец XIII вв.) – Русской правде, можно найти ответственность, к примеру, за кражу, совершенную совместно, за которую каждый соучастник нес равную ответственность. Равная ответственность соучастников за совершенное преступление была предусмотрена также в нормах Псковской судной грамоты (XV в.). В Судебнике 1550 года была предусмотрена уже ответственность за организованную преступную деятельность и ответственность отдельных соучастников, таких как укрыватели, попустители, недоносители. Соборное Уложение 1649 года расширило перечень соучастников преступления подстрекателями и пособниками, а также выделило формы соучастия – скоп и заговор [67].

Наиболее детальная регламентация института соучастия была произведена в Уголовном уложении о наказаниях 1845 года. В частности, в данном законодательном акте формы соучастия были дифференцированы на предварительный сговор (заговор) и без предварительного сговора (скоп). Предусматривалась ответственность за создание шаек, представлявших собой групповое формирование, один из видов соучастия по предварительному сговору.

В отличие от Уголовного уложения 1845 года, Уложение 1903 года не предусматривало такую форму соучастия, как соучастие без предварительного сговора. При этом, Уложение 1903 года предусматривало ответственность за создание публичных скопищ, преступных сообществ.

В советский период развития отечественного уголовного права, институт соучастия был предусмотрен во всех уголовных кодексах РСФСР. Так, УК РСФСР 1922 года [51] были даны характеристики соучастникам (исполнителям, подстрекателям, пособникам, укрывателям). Была предусмотрена усиленная уголовная ответственность в отношении организаторов. УК РСФСР 1922 года расширил и конкретизировал понятие «бандитизм». УК РСФСР 1926 года [52] разделял ответственность соучастников, наиболее строгое наказание, предусмотрев в отношении организаторов, руководителей и подстрекателей. Новациями УК РСФСР 1960 года [82] было легальное определение организованной группы, расширение перечня соучастия.

Следует заметить, что в первых уголовных кодексах была предусмотрена возможность применения мер социальной защиты за деяния и опасное состояние личности. К примеру, такие меры социальной защиты в УК РСФСР 1922 года были предусмотрены в главе IV в отношении социально опасных лиц. В УК РСФСР 1926 года – в отношении лиц, объявленных врагами трудящихся.

Проведенный краткий обзор истории становления и развития института соучастия показал, что законодатель регулировал только вопросы относительно форм, видов соучастия и дифференцировал ответственность соучастников, а также предусматривал меры социальной защиты от отдельных категорий лиц, которые не являлись лидерами преступного мира. Лидеры преступных групп, т.е. лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии несли ответственность только за конкретно совершенные преступления и в зависимости от формы и вида их соучастия в инкриминируемом им деянии. Тем более, не признавалось уголовно

наказуемым их занятие высшего положения в преступной иерархии, т.е. их статус в преступном мире как таковой. Н.Г. Кадников такой статус расценивает как опасное состояние личности, которое в свою очередь может являться самостоятельным основанием для наступления уголовной ответственности [32]. При этом, отсутствие до недавнего времени уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, ученый связывает с тем, что действующий Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) [81], выделял основания уголовной ответственности, разработанные классической школой уголовного права. Возможность ответственности за преступное состояние разработано представителями социологической школы уголовного права. Иными словами, история развития уголовного законодательства в целом, и в частности, уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, тесно связана с влиянием на содержание уголовного закона и его основных разделов различных школ уголовного права. В связи с чем, необходимо коротко рассмотреть отдельные положения различных школ уголовного права применительно к основаниям уголовной ответственности.

Как известно, классическая школа уголовного права (конец XVIII - начало XIX веков) основывается на философских размышлениях и выводах различных представителей эпохи Просвещения, яркими представителями которой являются: итальянский философ и правовед Чезаре Беккариа, французские философы — Д. Дидро, Вольтер, Ж. Ж. Руссо и др. В Великобритании идеи данной школы были поддержаны философом Джоном Локком и правоведом Уильямом Блэкстоном, более четко сформулированы известным юристом, философом и социальным реформатором Джереми Бентамом. Среди российских ученых, представителями классической школы уголовного права являются: Н.А. Неклюдов, Б.А. Кистяковский, Н.С. Таганцев [35; 45; 74].

Одним из постулатов классической школы уголовного права является возможность нести ответственность только за виновные деяния, но не за

мысли. Представители социологической школы уголовного права отстаивали позицию, согласно которой объектом уголовно-правового воздействия должна быть личность преступника, а не его деяния. Ученые классифицировали преступников, что должно было отражаться на тяжести наказания [78]. В своей основе социологическая школа исходила из положений антропологической школы уголовного права о том, что причины преступного поведения заложены в биологической природе человека. Следует сказать, что положения антропологической школы в определенной степени отличались реакционностью по отношению к человеку. По мнению ученых, антропологическая школа сводила уголовное право к средству расправы над человеком ввиду его биологических характеристик [39].

Один из учеников Ломброзо - Энрико Ферри развил идеи антропологической школы и фактически анонсировал создание социологической школы уголовного права [86]. Специалисты отмечали, что разработанная Э. Ферри концепция, выделяющая индивидуальные и социально-экономические факторы позволила выдвинуть идею о необходимости разработки мер, направленных на нейтрализацию лиц, находящихся в «опасном состоянии» [73, с. 14].

Представители социологической школы права считали, что факт совершения преступления является симптомом «опасного состояния» лица, которое и должно быть положено в основу наступления уголовной ответственности.

В целях защиты общества от носителей «опасного состояния» в качестве правовой реакции государства идеологами социологической школы была предложена система превентивных мер - «меры социальной защиты». Как отмечалось в документах их заседаний: «В законе должны быть предусмотрены определенные меры социальной защиты против преступников, общепасных либо вследствие рецидивизма, либо вследствие своих жизненных привычек, подлежащих указанию в законе, либо вследствие

своих склонностей и образа жизни, вылившихся наружу в предусмотренное в законе преступное деяние» [68, с. 10].

Необходимо отметить, что в истории развития уголовного законодательства социологическая школа уголовного права неоднократно использовалась, но приводила к весьма негативным результатам, в том числе к массовым репрессиям, упрощенному судопроизводству (внесудебные решения о виновности, политическая целесообразность). Здесь можно вспомнить переселение целых народов, подозреваемых в симпатиях к врагам, объективное вменение и ответственность родственников врагов народа и т.п. Через такие процессы прошли разные страны. В том числе и Германия и Россия. После смены власти следовала великая реабилитация, и признание ошибок в применении репрессивных уголовно-правых мер, сформированных под влиянием социологической школы уголовного права [32].

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что как уже говорилось выше, в первых советских уголовных кодексах меры социальной защиты применялись за деяния и опасное состояние личности. В СССР от таких мер законодатель отказался при принятии Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик в 1958 г., и далее в УК РСФСР 1960 г. Далее все ученые признавали, что в советском государстве законодатель опирается на положения классической школы уголовного права. Этот же подход используется в ныне действующем УК РФ, по которому основанием уголовной ответственности признается совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления (ст. 8 УК РФ).

Однако теория опасного состояния личности нашла свое воплощение в ныне действующем УК РФ посредством включения в 2019 году Федеральным законом от 01.04.2019 г. № 46-ФЗ статьи 210.1 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за занятие лицом высшего положения в преступной иерархии. Кроме того, такое же лицо является специальным субъектом преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ [85].

В современном периоде становления ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, можно выделить два этапа.

На первом этапе статья 210 УК РФ была дополнена ч. 4, предусматривающей ответственность лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии за создание преступного сообщества (преступной организации) в целях совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений либо руководство преступным сообществом (преступной организацией) или входящими в него (нее) структурными подразделениями, а равно координация действий организованных групп, создание устойчивых связей между ними, разработка планов и создание условий для совершения преступлений организованными группами, раздел сфер преступного влияния и (или) преступных доходов между такими группами (ч. 1 ст. 210 УК РФ) и за участие в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей преступных сообществ (преступных организаций) и (или) организованных групп в целях совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных частью первой ст. 210 УК РФ.

Такое дополнение ст. 210 УК РФ в научных кругах вызвало две противоположные позиции. Одни ученые поддержали нововведение законодателя, считая, что это скажется положительно на борьбе с организованной преступностью [24; 23; 44]. Предметом научных исследований стала разработка понятия «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии». Ученые стали предпринимать попытки выделения критериев отнесения лиц к лидерам преступного мира, и кто конкретно к таковым относится.

Представители противоположной позиции высказались негативно относительно включения ч. 4 в ст. 210 УК РФ. Основные вопросы, которые возникали у противников нововведения, касались относительно того, кого относить к таким лицам, каким образом доказывать факт их принадлежности к высшим лицам преступной иерархии. М.Л. Прохорова и Л.А. Прохоров

вообще делают вывод о том, что в УК РФ пытаются «протащить» элементы криминальной субкультуры в виде таких категорий, «вор в законе», «общак», «смотритель» и проч. [64, с. 291]

Второй этап развития уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, связан с дополнением Федеральным законом от 01.04.2019 г. № 46-ФЗ статьей 210.1 УК РФ. По данному поводу мнения ученых также разделились, начиная от полной неприемлемости по причине несоответствия концептуальным положениям уголовного права до, несмотря на противоречивость основам уголовного права, актуальной и обладающей позитивным потенциалом, подвергая критике частные моменты, а не сам факт появления данных норм [29; 33; 22; 38]. Некоторые ученые в целом оценивают положительно принятые законодателем нормы [16; 72].

Противники включения в УК РФ ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии считают, что дополнение УК РФ ст. 210.1 является фактически признанием того, что наряду с деянием, содержащим признаки состава преступления, основанием уголовной ответственности признается и опасное состояние личности. В этом смысле, по мнению Н.Г. Кадникова, просматривается переход к положениям социологической школы уголовного права. По мнению ученого, нет никакой необходимости в современный период прибегать к такому основанию уголовной ответственности. Безусловно, «преступные авторитеты», «воры в законе» представляют опасность, но как личности, а не в качестве основания для привлечения их за такое положение в воровском мире к уголовной ответственности. Если бы законодатель для таких лиц предусмотрел в уголовном законе некие меры безопасности по примеру ряда европейских стран, было бы понятно: есть меры наказания, иные меры уголовно-правового характера и меры безопасности, вполне научная дифференциация уголовно-правового реагирования на таких лиц [32].

Вполне справедливой критике подвергается оценочность ст. 210.1 УК РФ, в которой отсутствует четкое понятие того, что представляет собой сфера, именуемая преступной иерархией, не раскрывается и содержание высшего положения лица в этой сфере. Криминализация данного деяния не в полной мере соответствует правилам криминализации. В частности, правоприменители будут в трудном положении при доказывании признаков состава такого преступления, хотя, по мнению ученого вряд ли здесь можно говорить о признаках состава, более точно говорить о признаках личности.

В целом, вопросов по лицу, занимающему высшее положение в преступной иерархии было очень много, некоторую ясность внесло судебное толкование, изложенное в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» (далее – Постановление № 12). Тем не менее, не подвергалось сомнению понятие основания уголовной ответственности, указанное в ст. 8 УК РФ. Раскрытие же содержания оценочных признаков, указанных в ч. 4 ст. 210 и ст. 210.1 УК РФ, отдано на откуп судам, рассматривающим конкретные уголовные дела [54].

Следует заметить, что ответственность лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии закреплена в некоторых уголовных кодексах зарубежных стран. Так, УК Грузии включает ст. 223.1, предусматривающая ответственность за членство в воровском сообществе. Данная статья была предметом рассмотрения Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), который поддержал позицию грузинского законодателя, отметив, что «логическое обоснование решения принять конкретные законы, касающиеся преступного мира, состояло в том, чтобы помочь государству эффективнее бороться с этими опасными преступными синдикатами» [31, с. 30].

По закону Рико в США привлекают к ответственности лидеров мафиозных образований. Это закон - «Закон о влиянии рэкетиров и коррумпированных организаций» (RICO), раздел 18, Кодекс Соединенных

Штатов. Несмотря на его жесткие положения, обвинение, связанное с этим законом фокусируется на моделях поведения, а не на преступных действиях. Он был принят в 1970 г. специально, с намерением помочь бороться с мафией, позволяя прокурорам и закону преследовать целые организации, а не только отдельных лиц. Есть разные мнения по поводу данного закона, в том числе и такие: закон попирает саму суть американской Конституции [32].

В Уголовном уложении ФРГ основанием уголовной ответственности также признано деяние, содержащее признаки состава преступления, но для противодействия опасному состоянию личности германский законодатель предусмотрел в УУ ФРГ меры исправления и безопасности (гл. 6 УУ ФРГ), которые определены соответствующем перечнем, ряд из которых наличествуют и в УК РФ, названных как иные меры уголовно-правового характера (принудительные меры медицинского характера, конфискация имущества, судебный штраф) [80].

Таким образом, действующий уголовный закон расширил ответственность лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, которые несут уголовную ответственность не только за конкретно совершенное преступное деяние, но преступным признается и само занятие данного положения в преступном мире.

1.2 Преступления, совершаемые лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии в системе преступлений Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации

В предыдущей части настоящего исследования было установлено, что в действующем УК РФ ответственность лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии предусмотрена в двух составах преступления. К таковым относится ч. 4 ст. 210 и ст. 210.1 УК РФ. Если лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии совершает какое-либо другое преступление, то оно несет ответственность за конкретное совершенное им

преступное деяние, но уже не как лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, а либо по общим основаниям, либо по правилам соучастия. При этом, это могут быть самые различные преступления, расположенные в различных главах и разделах уголовного закона, например, разбойные нападения, мошенничество, вымогательство, преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, незаконного оборота оружия и др. Особенности ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии за преступления, выходящие за рамки составов ч. 4 ст. 210 и ст. 210.1 УК РФ будут рассмотрены в п. 3.1. настоящего исследования.

Как лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии данное лицо несет, прежде всего, ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней) (ч. 4 ст. 210 УК РФ) и за то, что занимает высшее положение в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ). В связи с чем, далее в настоящей работе основное внимание мы уделяем исследованию именно указанным двум составам преступления. Поэтому в данном параграфе необходимо определить место составов преступлений, совершаемых лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии в системе преступлений Особенной части УК РФ и охарактеризовать их в соответствии с местом их расположения, выделив объект преступного посягательства.

Итак, исследуемые составы преступлений расположены в разделе IX УК РФ, который объединил преступления, посягающие на общественную безопасность и общественный порядок. Из сказанного можно сделать вывод о том, что родовым объектом всех преступлений, включенных в IX раздел УК РФ и преступлений, совершаемых лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, является общественная безопасность и общественный порядок.

Раздел IX УК РФ поделен на несколько глав, объединяющих преступления по их видовому объекту. В частности, составы преступлений,

предусмотренные ч. 4 ст. 210 и ст. 210.1 УК РФ помещены законодателем в главу 24 УК РФ, которая называется «Преступления против общественной безопасности». Следовательно, видовым объектом преступлений, объединенных в главе 24 УК РФ, является общественная безопасность. В связи с чем, далее необходимо определиться с тем, что представляет собой общественная безопасность как объект уголовно-правовой охраны. При этом, прежде, необходимо выявить правовую природу общественной безопасности.

Общественная безопасность является одним из приоритетных направлений государственной политики в сфере национальной безопасности, что обозначено в Стратегии национальной безопасности [83]. В п. 43 Стратегии перечислены конкретные угрозы государственной и общественной безопасности. При этом, как можно заметить, в Стратегии государственная и общественная безопасность рассматриваются в непосредственной связи друг с другом. Однако, в Концепции общественной безопасности в Российской Федерации перечислены конкретные угрозы общественной безопасности, которые в Стратегии относятся равно как к государственной, так и к общественной безопасности [37].

В соответствии с пунктом 4 Концепции общественная безопасность признается частью национальной безопасности Российской Федерации и определяется как «состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера».

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что общественная безопасность являются видовыми понятиями национальной безопасности. При этом, как отмечает С.В. Хмелевский, общественная безопасность выступает в качестве цели государственной безопасности, которая в свою очередь представляет собой средство обеспечения национальной безопасности [88].

Определившись с правовой природой общественной безопасности, следует рассмотреть вопрос о понятии общественной безопасности как

объекта уголовно-правовой охраны. В доктрине на этот счет предлагаются различные определения.

Зачастую общественная безопасность определяется учеными, как «система общественных отношений, направленных на обеспечение безопасных условий жизнедеятельности» [32, с. 9]. Т.Д. Устинова общественную безопасность определяет как обеспечение общественной жизни посредством соблюдения соответствующих правил [84, с. 21].

Как состояние защищенности общественных отношений, урегулированное нормами права и морали, определяет общественную безопасность А.М. Воронов [19].

Общественная безопасность также понимается как отсутствие возможности наступления вредных последствий от действий разрушительного характера, либо как общественное спокойствие, здоровье населения, общественная нравственность, безопасность эксплуатации транспортных средств [41; 15].

Как можно заметить, некоторые ученые достаточно широко определяют понятие общественной безопасности как объекта уголовно-правовой охраны, иногда выходя за пределы главы 24 УК РФ. Понимание общественной безопасности как состояние защищенности общества от любых опасностей также охватывает преступные деяния, включенные в другие главы УК РФ, что вполне соответствует тому, что любые преступные деяния посягают на общественную безопасность.

Если исходить из объектов уголовно-правовой охраны главы 24 УК РФ, то В.А. Робак, предлагает общественную безопасность определять как «состояние защищенности общества от общественно-опасных посягательств, связанных с социальными или овестествленными источниками повышенной опасности» [66, с. 196].

М.Г. Жилкин определяет общественную безопасность в широком и узком смысле слова. В первом случае, общественная безопасность определяется применительно к названию раздела IX УК РФ и охватывает все

общественные отношения, охраняемые данным разделом уголовного закона, т.е. общественные отношения, создающие угрозу возможности жизнедеятельности человека, материальным и духовным ценностям общества в целом. Общественная безопасность в узком смысле слова определяется как «совокупность общественных отношений, обеспечивающих безопасную жизнедеятельность человека, общества и общественный порядок» [27, с. 49].

Таким образом, общественная безопасность является видовым объектом уголовно-правовой охраны всех составов преступлений, включенных в главу 24 УК РФ. Всего таких составов насчитывается 42 (статьи 205-227 УК РФ) в их число и включены статьи 210 и 210.1 УК РФ.

Далее, следует определить место составов преступлений, совершаемых лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии в системе преступлений, объединенных главой 24 УК РФ и видовым объектом которых является общественная безопасность. Однако данные составы преступления отличаются непосредственным объектом преступного посягательства. В связи с чем, в науке предпринимаются попытки классифицировать данные преступления на отдельные виды.

Большинство ученых все преступления 24 главы УК РФ классифицируют в зависимости от непосредственного объекта преступного посягательства. Однако по данному классификационному основанию среди ученых наблюдаются некоторые разногласия.

Так, В.С. Комиссаров по непосредственному объекту уголовно-правовой охраны, предлагает все преступления главы 24 УК РФ разделить на:

- «преступления против общей безопасности (ст. ст. 205 - 212, 227 УК РФ);
- преступления против общественного порядка (ст. ст. 213, 214 УК РФ);
- преступления, связанные с нарушением специальных правил безопасности (ст. ст. 215 - 219 УК РФ);

- преступления, связанные с нарушением установленных правил обращения с общеперасными предметами (ст. ст. 220-226 УК РФ)» [79, с. 331].

Данная классификация была построена ученым, еще до дополнения уголовного закона нормами, предусматривающими ответственность лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии. Но если учитывать рассуждения, ученого, то составы преступлений, предусматривающие ответственность таких лиц (ч. 4 ст. 210 и ст. 210.1 УК РФ) относятся к преступлениям, посягающим на общественную безопасность.

М.Г. Жилкин, классифицируя преступления, объединенные главой 24 УК РФ, исследуемые составы преступлений, относит к преступлениям, совершенным общественно опасным способом, либо затрагивающим интересы граждан в сфере общественной безопасности (ст.ст. 205-212, 227 УК РФ) [27]. Р.В. Закомолдин преступление, предусмотренное ст. 210 УК РФ относит к преступлениям, посягающим на общественное спокойствие [28]. А.В. Боков организацию преступного сообщества (преступной организации) наряду с созданием незаконного вооруженного формирования (ст. 208 УК РФ) и бандитизмом (ст. 209 УК РФ) относит к преступлениям, которые «выражаются в создании специальных видов преступных групп и сообществ». Однако ответственность лица за то, что он занимает высшее положение в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ) к таким преступлениям не может относиться, т.к. не предполагает создание какой-либо преступной группы или сообщества. Поэтому, в зависимости от характеристики объективных признаков состав занятия высшего положения в преступной иерархии, скорее всего, относится к преступлениям, посягающим на основы общественной безопасности [76].

В связи с изложенным, следует учитывать, что ответственность лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, может наступить по двум основаниям: за организацию преступного сообщества (ч. 4 ст. 210 УК РФ) и за занятие высшего положения в преступной иерархии, т.е. за

общеопасное состояние. Поэтому можно предложить все преступления, направленные против общественной безопасности, включенные в главу 24 УК РФ классифицировать следующим образом:

- 1) по характеристике объективных признаков, на:
 - преступления, объективная сторона которых характеризуется общественно-опасными действиями (бездействием) (все преступления главы 24 УК РФ за исключением ст. 210.1 УК РФ);
 - преступления, ответственность за которые наступает за общественно-опасное состояние (ст. 210.1 УК РФ);
- 2) по характеристике субъекта преступления, на:
 - преступления, совершенные общим субъектом преступления;
 - преступления со специальным субъектом, которые в свою очередь можно разделить на: преступления, субъект которых характеризуется должностным или служебным положением в обществе (квалифицированные составы преступлений, предусматривающие ответственность за использование лицом своего служебного положения); субъект, характеризующийся общеопасным состоянием (ч. 4 ст. 210 и ст. 210.1 УК РФ).

Таким образом, родовым и видовым объектом преступлений, совершаемых лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии, является общественная безопасность, т.е. состояние защищенности общества от общественно-опасных посягательств на безопасную жизнедеятельность человека, общества и общественный порядок. Особенностью преступлений, совершаемых лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, является субъект, характеризующейся своим общественно опасным состоянием. По классификационным основаниям, преступления, совершаемые лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии, относятся к преступлениям против общей безопасности, посягающие на состояние защищенности личности, общества и

государства от разнообразных внутренних и внешних угроз общепасного характера.

1.3 Лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии как специальный субъект преступления

Как было установлено в предыдущих частях настоящего исследования, криминализирующим признаком преступлений, совершаемых лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии, является признак субъекта, характеризующийся опасным состоянием личности и особым положением, занимаемом в преступном мире. Иными словами, для привлечения к ответственности по ч. 4 ст. 210 и ст. 210.1 УК РФ необходимо установить дополнительные признаки характеризующие лицо, как занимающее высшее положение в преступной иерархии.

В действующем законодательстве отсутствует определение лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, что породило в научной литературе многочисленные дискуссии. Среди ученых обсуждаются вопросы относительно того, какие лица относятся к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии. Ученые полагают, что таковым могут признаваться только воры в законе а также другие категории преступной «элиты», в том числе «положенцы», «смотрящие» [42; 25].

В доктрине ставится вопрос о том, что «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии» является криминологической категорией, а введение данного понятия в уголовный закон поставило задачу выработать его уголовно-правовое определение [65].

В п. 24 Постановления № 12 сказано: «Решая вопрос о субъекте преступления, указанного в ч. 4 ст. 210 Уголовного кодекса РФ, судам надлежит устанавливать занимаемое этим лицом положение в преступной иерархии, в чем конкретно выразились действия такого лица по созданию или по руководству преступным сообществом (преступной организацией) либо по

координации преступных действий, создание устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами либо по разделу сфер преступного влияния и преступных доходов, а также другие преступные действия, свидетельствующие о его авторитете и лидерстве в преступном сообществе (преступной организации)». Далее в разъясняется, что о лидерстве такого лица в преступной иерархии могут свидетельствовать наличие связей с экстремистскими и террористическими организациями, а также наличие коррупционных связей.

Для уяснения содержания используемого в ч. 4 ст. 210 и ст. 210.1 УК РФ понятия лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии следует рассмотреть понятие лидерства. В социальной психологии лидерство понимается как «естественный социально-психологический процесс в группе, построенный на влиянии личного авторитета человека на поведение членов группы. Лидер направляет и ведет своих последователей и хочет вести их за собой, а последователи не просто идут за лидером, но и хотят идти за ним». В уголовно-правовом значении лидерами признаются организаторы преступления, определение которого дается в ч. 3 ст. 33 УК РФ, согласно ему под организатором признается лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его исполнением, а равно лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими. Следовательно, организатор и лидер - понятия относительно идентичные [50].

Однако лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, будучи закрепленным в УК РФ, предполагает наличие определенных специфических признаков, отличающих его от организатора преступления. Тем более, что ответственность по ст. 210.1 УК РФ наступает не за организацию или совершение какого-либо преступления, а только за занятие положения высшего лица в преступной иерархии, т.е. за общееопасное состояние.

Например, в марте 2004 г. Нурахман Мамыров по прозвищу «Мутай», будучи лидером алтайского преступного сообщества, отдал приказ об убийстве «вора в законе» Владимира Якушкина. Судом было установлено, что Мамыров является «лидером уголовно-криминальной среды и занимает высшее место в преступной иерархии Алтайского края, чьи указания по существующим негласным правилам подлежат неукоснительному соблюдению лицами, занимающимися преступной деятельностью». Мамыров дал поручение одному из криминальных авторитетов совершить убийство «вора в законе». Исполнителем убийства выступил Валерий Богановский, также являвшийся одним из криминальных авторитетов города Алейска. Спустя несколько дней в марте того же 2004 г. в районе автодороги Алейск – Чарышское с моста через реку Алей был сброшен Якушкин. Только в апреле 2010 г. были задержаны и исполнитель убийства, и Нурахман Мамыров.

«Мутай» фигурировал в деле как подстрекатель к совершению данного преступления. Приговор был вынесен судьей Железнодорожного районного суда Барнаула по ч. 4 ст. 33, ч. 1 ст. 105 УК РФ «Подстрекательство путем дачи устного распоряжения к совершению убийства». При этом следует отметить, что 57-летний Нурахман Мамыров – один из самых уважаемых людей в преступном мире Сибири и Дальнего Востока. Первый свой срок – шесть лет исправительных лагерей – он получил еще в 1970 г. по обвинению в нанесении тяжких телесных повреждений (ст. 108 УК РСФСР) и хулиганстве (ст. 206). В 1977 г. последовала новая судимость – за кражу (ст. 144) и угрозы в отношении должностного лица (ст. 193). За это ему назначили три года. Затем Мамыров, получивший в 1995 г. титул «вора в законе», появлялся на свободе лишь эпизодически [2].

В данном случае наличие статуса, данных о влиянии лица в преступном мире, а также тот факт, что лидеры такого уровня формируют не только понятия, жизнь, порядки криминального мира, но подчиняют себе преступные группировки и сообщества, объединяют их вокруг себя, при условии совершения преступления после изменений, внесенных в УК РФ позволили бы

следствию включить в квалификацию деяний «Мутая» признак, предусмотренный ч. 4 ст. 210 УК РФ. В целом, что бы разобраться с тем, какие лица в преступном мире занимают высшее положение, необходимо определиться с понятием преступная иерархия.

В доктрине преступную иерархию понимают по-разному. Например, А.Е. Шалагин определяет преступную иерархию в криминологическом значении как «систему подчиненности и взаимоотношений между лицами, входящими в криминальную среду, придерживающимися соответствующих правил и традиций (воровской субкультуры)» [89, с. 48]. По мнению, П.В. Агапова и А.Н. Сухаренко преступная иерархия в уголовно-правовом значении охватывает «принцип управления преступным сообществом, основанный на соподчиненности его участников» [5, с. 38].

Для правильного понимания лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии как специального субъекта, необходимо иметь в виду то, высшее положение в преступной иерархии занимают «воры в законе». Однако, в юридической литературе высказываются мнения о наличии в преступной иерархии следующих основных составляющих: блатные (черные), мужики (серые), козлы (красные) и опущенные (обиженные) [6].

В то же время многие авторы дополняют такую классификацию промежуточными кастами, которые на каждой «зоне» могут быть разными [1]. Переход из более низкой страты в высшую крайне затруднен либо практически невозможен. В криминальных кругах такая «вертикальная мобильность» не приветствуется, и подобный рост невозможен. Особое внимание эксперты уделяют лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии, т.е. «блатным». Представляется, что к данной категории могут быть причислены воры в законе, положенцы и смотрящие. Приведенный перечень, безусловно, может быть дополнен, так как данная категория является оценочной и четких критериев причисления не имеет.

«Смотрящий» – в соответствии с криминальными «понятиями», это авторитетный преступник, который назначается «положенцем» или воров в

законе, управомоченный решать вопросы, входящие в компетенцию воров, и координирующий криминальную ситуацию в отдельных районах города, в колониях в отрядах.

«Положенец» – это в криминальном мире лицо, назначаемое воров в законе и управомоченное решать вопросы в отсутствие воров от их имени (находящееся на положении вора) «Положенцы» координируют преступную деятельность на определенной территории (или в сфере деятельности) и при достижении больших заслуг в преступном мире могут претендовать на титул вора в законе [25].

«Вор в законе» – высшее звание в преступной иерархии, которое присваивается коллегиально на сходке воров самым авторитетным преступникам пожизненно. «Должность» вора в законе является выборной. Эти лица, по сути, являются идеологами криминального мира, хранителями уголовных традиций и проводниками криминальной философии в общество. Эти лица координируют в целом не только криминальную отрасль в стране, но и играют значительную роль во всей международной преступности [34].

Однако, ввиду того, что указанные статусы являются только элементами криминальной субкультуры, которые документально нигде не записаны, законодательно не могут быть закреплены, на практике возникает очень много проблем с квалификацией и сбором доказательств по вопросам отнесения таких лиц к категории лидеров преступного мира, занимающих высшее положение в преступной иерархии.

На практике возникают вполне обоснованные противоречия, касательно неоднозначной практики привлечения к ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии.

Ввиду дополнения УК РФ ст. 210.1 «Занятие высшего положения в преступной иерархии» возникает необходимость в конкретизации функций, выполняемых лицом, имеющим такой статус в криминальном сообществе и критериев отнесения к данной категории. Отсутствие таковых может породить злоупотребление полномочиями со стороны сотрудников

правоохранительных органов, с одной стороны, с другой – увеличение латентной преступности в связи со сложностью точного определения положения лица в преступном мире.

Далее, следует рассмотреть критерии отнесения лица к категории «занимающих высшее положение в преступной иерархии», а также его положение и функции в преступном мире. Как было указано ранее, состав данной категории может варьироваться, но, по всей видимости, законодатель хотел уделить большее влияние такой касте как «воры в законе», являющиеся идейными профессиональными преступниками.

По данным сотрудников органов внутренних дел, количество воров в законе на период с конца 2018 по 2019 г. варьировалось от 410 до 432, причем, как оказалось, примерно 318 человек из них находились на свободе, 114 заключены под стражу, 31 находились од следствием, а 19 числились в розыске. Однако значительная часть указанных лиц проживают за границей и являются достаточно состоятельными людьми [40].

Говоря о характерных особенностях «воров в законе», следует выделить такие черты:

- достаточный авторитет среди других воров в законе;
- наличие преступного опыта, в том числе опыта противодействия официальным властям;
- финансовая поддержка «коллег», находящихся в исправительных учреждениях;
- ведение жизни по «воровским понятиям» (отсутствие официального зарегистрированного брака, регистрации по постоянному месту жительства, а также постоянного места работы и т.д.);
- отсутствие компрометирующих материалов о взаимном контакте с властными структурами (служба в армии, прямое или косвенное сотрудничество с правоохранительными органами).

Основная сложность доказывания принадлежности лица к высшему положению в преступной иерархии, заключается в определении такого

критерия, как авторитет «вора в законе», ввиду того, что одним из табу у воров в законе является сотрудничество со следствием, в том числе и дача каких-либо показаний, что будет существенно усложнять возможность доказывания статуса данной категорий лиц.

Безусловно, законодатель прав в том, что он подчеркнул особую общественную опасность, исходящую от лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, однако одной из функций данных лиц является поддержание дисциплины в преступных кругах, что позволяет им быть своего рода контролерами преступного мира, и не дает случиться хаосу и произволу. Воры в законе, являясь своего рода ключевыми фигурами отечественного криминального мира, во многом способствуют регулированию и координации преступных действий других лиц, что немаловажно.

Однако П.В. Агапов и А.Н. Сухарев справедливо обращают внимание на не тождественность лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии представителям воровского движения. По мнению ученых, «функции высшего лица преступной иерархии могут выполнять и другие лидеры отдельно взятого преступного сообщества, которые занимают привилегированное положение и оказывают влияние, как на участников конкретного преступного сообщества, так и на членов других преступных формирований на конкретной территории или в отдельно взятой преступной сфере деятельности». Поэтому, следует согласиться с учеными в том, что для установления того факта, что данное лицо занимает высшее положение в преступной иерархии необходимо выяснять факты, которые позволят установить, что конкретное лицо обладает определенным авторитетом и занимает лидирующее положение в преступном мире, которое может быть ограничено конкретной территорией или сферой преступной деятельности. Действующее уголовное законодательство пока не выработало ни таких критериев, ни понятие лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии.

Что касается п. 24 Постановления № 12, то содержащиеся разъяснения касаются только относительно установления объективных признаков состава ч. 4 ст. 210 УК РФ, т.е. какие конкретно действия лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, образуют состав организации преступного сообщества. При этом, перечисленные действия, перечень которых остался открытым, как раз и свидетельствуют об авторитете и лидерстве в преступном сообществе. О лидерстве свидетельствуют также связи с преступными организациями террористического или экстремистского характера, а также коррупционные связи [5].

Таким образом, введение в УК РФ ответственности лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии вызывает много вопросов в теории уголовного права и проблем в правоприменительной практике.

При этом, все проблемы можно разрешить на уровне рекомендаций Верховного Суда РФ, в которых судам будет предложен неисчерпывающий перечень признаков лица – субъекта преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 и ст. 210.1 УК РФ, среди которых, прежде всего должен быть предусмотрен установленный судом факт беспрекословного подчинения приказам, распоряжениям такого лица всеми представителями преступного мира на определенной территории или в определенной сфере преступной деятельности.

Такого же подхода придерживается и судебная практика, устанавливая факт авторитетного влияния указанных лиц на лиц уголовно-преступной среды, имеющих более низкий криминальный статус на конкретной территории, беспрекословно исполняющих указания и распоряжения, носящие преступный характер. Иными словами, на практике указывается, конкретная, закреплённая за лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии определенной территориальной зоны преступного влияния [56].

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что:

Во-первых, в первых советских уголовных кодексах (1922 г, 1926 г.) меры социальной защиты применялись за деяния и опасное состояние личности. Однако теория опасного состояния личности нашла свое воплощение в ныне действующем УК РФ посредством включения в 2019 году Федеральным законом от 01.04.2019 г. № 46-ФЗ статьи 210.1 УК РФ, в соответствии с которой уголовно-наказуемым признается занятие высшего положения в преступной иерархии. Кроме того, такое лицо является специальным субъектом преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ.

Во-вторых, лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии несет ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней) (ч. 4 ст. 210 УК РФ) и за то, что занимает высшее положение в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ).

В связи с чем, было определено место составов преступлений, совершаемых лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии в системе преступлений Особенной части УК РФ в соответствии с местом их расположения в главе 24 раздела IX УК РФ.

При рассмотрении данного вопроса было установлено, что родовым и видовым объектом преступлений, совершаемых лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии, является общественная безопасность, т.е. состояние защищенности общества от общественно-опасных посягательств на безопасную жизнедеятельность человека, общества и общественный порядок.

По классификационным основаниям, преступления, совершаемые лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии, относятся к преступлениям против общей безопасности, посягающие на состояние защищенности личности, общества и государства от разнообразных внутренних и внешних угроз общепопасного характера.

В-третьих, проведенный анализ преступной иерархии современной России приводит к нескольким выводам.

Прежде всего, необходима точная конкретизация критериев причисления лица к категории занимающих высшее положение в преступной иерархии, так как характерные особенности, отраженные в Постановлении № 12, представляются достаточно размытыми.

Кроме того, необходимо учитывать роль «воров в законе» в регулировании деятельности преступного сообщества, так как искоренение преступности (она во многом обусловлена экономическими, политическими и социальными факторами, которые за короткий промежуток времени нельзя устранить или ослабить) в принципе пока не представляется возможным, и приходится выбирать меньшее из зол, т.е. лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, организующие и контролирующую преступную деятельность и руководящее преступным миром.

Глава 2 Уголовно-правовой анализ составов преступлений, совершаемых лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии

2.1 Уголовно-правовой анализ организации преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней) лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии

Ответственность за организацию преступного сообщества и участие в нем лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, предусмотрена в ч. 4 ст. 210 УК РФ. Данный состав является квалифицирующим, отличительными особенностями которого от основного состава является специальный субъект преступления. В связи с чем, объект и объективные признаки квалифицированного состава совпадают с такими же признаками основного состава преступления.

В первой главе магистерской диссертации были рассмотрены родовая и видовой объекты исследуемых составов преступлений. Что касается непосредственного объекта ответственности лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, то в доктрине выдвигаются различные предложения.

К примеру, в качестве непосредственного объекта организации преступного сообщества (преступной организации) называют:

- общественную безопасность;
- общественные отношения, которые обеспечивают безопасность общества от преступных посягательств и поддерживающие необходимый для функционирования уровень защищенности общества;
- общественные отношения, исключаяющие создание и деятельность преступных организаций;

- общественные отношения, которым в результате преступной деятельности причиняется вред.

П.В. Агапов выделил три угрозы, которые несет в себе преступное сообщество, создание которого уголовно наказуемо в соответствии со ст. 210 УК РФ:

- преступное сообщество не подконтрольно обществу и обладает соответствующим механизмом защиты от подобного контроля;
- деятельность преступного сообщества направлена вопреки общественным интересам;
- преступное сообщество направлено на постоянное осуществление противоправной деятельности [4].

Исходя из диспозиции ч. 4 ст. 210 УК РФ, объективные признаки исследуемого состава преступления раскрываются в частях 1 и 1.1. ст. 210 УК РФ.

Итак, объективными признаками исследуемого состава преступления, являются:

- создание преступного сообщества (преступной организации) в целях совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений;
- руководство преступным сообществом (преступной организацией) или входящими в него (нее) структурными подразделениями;
- координация действий организованных групп;
- создание устойчивых связей между организованными группами;
- разработка планов и создание условий для совершения преступлений организованными группами;
- раздел сфер преступного влияния и (или) преступных доходов между организованными преступными группами (ч. 1 ст. 210 УК РФ);
- участие в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей преступных сообществ (преступных организаций) организованных групп в целях совершения хотя бы

одного из преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 210 УК РФ (ч. 1.1 ст. 210 УК РФ).

Прежде всего, уголовно-наказуемым признается создание лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, преступного сообщества (преступной организации).

Понятие преступного сообщества сформулировано законодателем в ч. 4 ст. 35 УК РФ, согласно которой таковым признается структурированная организованная группа или объединение организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. На этот счет С.В. Петров заметил, что создание преступного сообщества понимается не как процесс, а как «следствие комплекса мероприятий, которые в своей совокупности и дают возможность достижения соответствующего преступного результата» [49, с. 142].

Так, процесс создания преступного сообщества может включать следующие организационные моменты. Например, лицо, обладая авторитетом в криминальной среде высоким уровнем развития волевых качеств, целеустремленностью, наличием организаторских и управленческих способностей, стремлением к лидерству, имея хорошую осведомленность о криминальной обстановке, с целью получения постоянного, незаконного источника дохода, создал на территории г. Новокузнецка устойчивую группу лиц для систематического совершения тяжких и особо тяжких преступлений против собственности с целью получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. С этой целью данное лицо сплотило вокруг себя циничных, волевых, склонных к совершению различных преступлений, готовых выполнять любые указания и подчиняться требованиям своего лидера лиц из числа охранников торговых баз, продуктовых магазинов, а также кафе и ночного клуба, расположенных на территории, именуемой в г. Новокузнецке «Вертолетной площадкой». Реализуя свой преступный умысел, данное лицо,

выступая в роли организатора, не позднее 2010 года на территории г. Новокузнецка предложил другим лицам объединиться в организованную группу для систематического совершения вымогательств и иных корыстных преступлений, направленных на противоправное завладение денежными средствами и имуществом граждан [60].

Преступное сообщество может быть образовано посредством перерастания «из организованной группы с одновременным совершенствованием организационно-структурного уровня или объединения нескольких самостоятельных группировок в целях консолидации, перераспределения сфер влияния» [4]. Момент создания преступного сообщества указан в п. 7 Постановления № 12, согласно которому таковым признается момент создания в составе организованной группы структурных подразделений или объединения организованных групп и совершения ими действий, свидетельствующих о готовности преступного сообщества реализовать свои преступные намерения.

На практике о готовности преступного сообщества реализовать свои преступные намерения признаются действия по снятию помещения, которое планировалось задействовать для прикрытия незаконной деятельности преступного сообщества, его мебелированию и оборудованию связью [12]. Если же, действия, направленные на создание лицом преступного сообщества были пресечены правоохранительными органами либо по другим независящим от этого лица обстоятельствам не привели к созданию преступного сообщества, то речь идет о неоконченном преступлении и квалификации по ч. 1 или по ч. 3 ст. 30 УК РФ и ч. 1 статьи 210 УК РФ как приготовление к созданию или как покушение на создание преступного сообщества (преступной организации) (п. 8 Постановления № 12). Если таким лицо было лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, то его действия, которые были пресечены и образуют состав неоконченного преступления, должны квалифицироваться по ч. 1 или 3 ст. 30 УК РФ и ч. 4 ст. 210 УК РФ. Однако, С.В. Шевелева О.С. Дробышева не согласны с позицией

правоприменительного органа, и предлагают считать оконченным создание преступного сообщества «с момента завершения организационной деятельности, независимо от того, были ли осуществлены планировавшиеся преступления» [90, с. 124].

Не редкостью является ситуации, когда еще неоконченное создание преступного сообщества квалифицируется как оконченный состав преступления. К примеру, в приговоре отсутствовало время окончания создания преступного сообщества. Суд сделал вывод о том, создание преступного сообщества произошло в день задержания осужденных, преступная деятельность которых была прекращена. Такую позицию суд обосновал тем, что создание преступного сообщества считается оконченным в момент его создания либо вступления в него независимо от того, совершили ли участники сообщества запланированное преступление [53].

Следующим признаком объективной стороны состава ч. 4 ст. ст. 210 УК РФ, является руководство преступным сообществом или входящими в него структурными подразделениями (п. 10 Постановления № 12). Данное преступление признается оконченным с момента, когда лицо, признанное участниками сообщества лидером, отдаст хотя бы одно распоряжение.

Пример руководства преступным сообществом можно наглядно увидеть на следующем примере из судебной практики. Лицо, осуществляло организационные и управленческие функции в отношении созданной организованной группы, планировал и координировал ее деятельность; поддерживал постоянную связь и обмен информацией между участниками организованной группы; обеспечивал конспирацию и безопасность ее деятельности, в том числе путем установления и поддержания коррумпированных связей с сотрудниками правоохранительных органов, а также криминальных связей с другими преступными группами; следил за соблюдением дисциплины, конспирации и безопасности; в качестве наказания за нарушение установленных правил поведения применял меры материального и иного воздействия; принимал меры к защите участников

организованной группы в случае их задержания сотрудниками правоохранительных органов; определял объекты для преступного посягательства, разрабатывал планы совершения конкретных преступлений, осуществлял подготовку к их совершению, организовывал и контролировал их совершение, координировал действия соучастников, а также непосредственно участвовал в совершении преступлений в качестве исполнителя, принимал меры к сокрытию следов преступлений; предоставлял для нужд организованной группы автотранспорт, приискивал и изготавливал иные средства и орудия для совершения преступлений, в том числе в неустановленных местах как лично, так и посредством участников группы приобретал и хранил оружие, в том числе огнестрельное, и боеприпасы, наличие которых и возможность использования для совершения преступлений осознавалось всеми участниками возглавляемой им группы; осуществлял сбор, аккумуляцию и учет денежных средств, полученных в результате совершения преступлений, определял порядок их использования и распределения между участниками, формировал общую кассу преступного сообщества.

Стремясь расширить преступную деятельность группы, наладить в ней четкий контроль и подчиненность лидеру, данное лицо приблизил к себе иных лиц, как «старших» (лиц, занимающих более высокую по отношению к другим участникам группы ступень в неформальной иерархии, обладающих в группе наибольшим опытом и авторитетом, осуществляющих контроль за действиями других ее участников), с которыми у него сложились более длительные устойчивые отношения и которым, он делегировал часть полномочий, наделив их контрольными и управленческими функциями в отношении остальных участников; обсуждал предложения и варианты совершения противоправных действий, направленных на систематическое совершение преступлений с целью получения материальной выгоды; в целях обеспечения безопасности организованной группы получал от неустановленных лиц информацию о планируемых и проводимых

сотрудниками правоохранительных органов операциях, предупреждал о них участников группы, что еще больше объединяло участников организованной группы между собой и способствовало ее устойчивости.

В период с 2010 года по 2014 год данное лицо совместно с иными лицами разработал и установил жесткие правила поведения внутри преступной группы, в том числе нормы, носящие запрещающий характер, которые доводились до сведения каждого из ее участников, а именно: четкое и беспрекословное подчинение требованиям и указаниям данного лица и «старших» членов организованной группы; соблюдение субординации, запрет на появление «младших» (участников группы, занимающих более низкую ступень в неформальной иерархии) в «VIP»-зоне кафе, занимаемой «старшими», без их приглашения, запрет на обращение первому, без разрешения, к руководителю организованной группы; запрет на употребление и распространение наркотических средств, на управление транспортными средствами в состоянии алкогольного опьянения, запрет на ссоры и конфликты между членами группы, обязательный регулярный сбор денежных средств в общую кассу в виде процентов от преступных доходов каждого из участников, сбор направляемых в места лишения свободы продуктов питания, табачных изделий, запрет на обсуждение преступных «тем» по мобильным телефонам, запрет воровства внутри группы, утаивания доходов. За проступки и нарушения установленных правил, члены группы наказывались порицанием, а также денежными штрафами, размер которых определял данное лицо [60].

Как можно увидеть содержательной составляющей руководящей деятельности, является координация деятельности участников преступного сообщества, которая раскрывается в п. 11 Постановления № 12.

На практике координация и направление деятельности преступного сообщества определяется как «осуществление руководителем выбора места приобретения, способа расфасовки наркотических средств, а также места их хранения и способы реализации», распределение обязанностей среди членов преступного сообщества, распределение полученных денежных средств [55].

При этом, для признания преступления окончанным достаточно установления и одного факта координации преступной деятельности. Данный признак объективной стороны исследуемого состава преступления раскрывается в абз. 2 п. 11 Постановления № 12, понимая под таковым действия лица по объединению преступных групп в целях осуществления совместных действий по планированию, совершению одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений.

Т.В. Якушева обращает внимание на то, что координирующая деятельность лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии «должна распространяться на лиц, не входящих в состав того преступного сообщества (преступной организации), руководителем (создателем) которого он непосредственно является» [91, с. 89]. Такие признаки объективной стороны, как разработка планов и создание условий для совершения преступлений, раздел сфер преступного влияния и преступных доходов включены в содержательную часть координации преступной деятельности. Поэтому их конкретизация в диспозиции ч. 1 ст. 210 УК РФ не представляется целесообразной.

Лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии несет ответственность за участие в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей преступных сообществ и (или) организованных групп в целях совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 210 УК РФ (ч. 1.1 ст. 210 УК РФ). При этом ответственность наступает только в том случае, если на таких собраниях обсуждались вопросы планирования или организации совершения деяний, указанных в диспозиции ч. 1 ст. 210 УК РФ (п. 13 Постановления № 12).

С субъективной стороны, исследуемый состав преступления характеризуется умышленной формой вины. Иными словами, лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, осознает характер совершаемого деяния, желает создать преступное сообщество или руководить им с целью систематического совершения тяжких и особо тяжких

преступлений с целью получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды.

При этом умысел участников преступного сообщества отличается общностью. Так, к примеру, неукоснительное исполнение своих преступных ролей соучастниками в преступном сообществе, куда вошли создатель, руководитель и участник и другие не установленные следствием соучастники, общность их преступного умысла на совместную преступную деятельность, направленного на реализацию преступного плана Г.Г.Р., обеспечили слаженную работу преступного механизма совершения фальшивомонетничества, и как следствие, достижения запланированного Г.Г.Р. совместно с соучастниками, преступного результата в виде незаконного систематического извлечения дохода [9].

Умыслом лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, как руководителя преступного сообщества охватывается совершение всех преступлений участников данной преступной организации.

Так, в апелляционной жалобе был поставлен вопрос о пересмотре приговора. В частности, указывает, что размер ущерба, причиненного в целом всем потерпевшим по делу – 85900 рублей, свидетельствует об отсутствии у соучастников умысла на совершение тяжких и особо тяжких преступлений, что в свою очередь, с учетом вышеизложенного, говорит об отсутствии в данном случае преступного сообщества, при этом действия осужденной, квалифицированные по признаку организованной группы, незаконно дополнительно квалифицированы по ч. 1 ст. 210 УК РФ.

Апелляционная инстанция посчитала доказанным выполнение В.К. и Г. в составе организованной группы функций руководителей, контролирующих работу в нескольких офисах соучастников, связанную с приемом от физических лиц исходных данных и денег, дальнейшее их движение и выдачу заказчикам готовых подложных официальных документов (первая) и процесс изготовления таких документов (второй), при этом умыслом В.К. и Г.

охватывалось совершение всех преступлений, вменяемых участникам организованной группы [8].

П.В. Агапов обращает внимание на сложное содержание умысла организатора и руководителя преступного сообщества, которое вытекает из его «субъективной связи с другими участниками криминального объединения. Эта связь заключается во взаимной осведомленности организатора (руководителя) и других участников сообщества о совместном осуществлении преступной деятельности. При этом организатор (руководитель) должен осознавать, что выполняет в этой деятельности центральную, системообразующую роль. Вместе с тем для квалификации по ст. 210 УК РФ не обязательно устанавливать непосредственные контакты организатора (руководителя) и рядовых участников сообщества: они могут и не знать друг друга лично» [3, с. 29].

Дополнительным признаком субъективной стороны исследуемого состава преступления, является его цель, т.е. совместное совершение «одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды» (ч. 5 ст. 35 УК РФ). В диспозиции ч. 1 ст. 210 УК РФ цель организации преступного сообщества или участия в нем определена как совершения хотя бы одного из указанных преступлений (тяжких или особо тяжких).

По мнению В. Быкова, цель создания преступной организации заключается в постоянном совершении «любых умышленных преступлений для получения все возрастающего преступного дохода» [17, с. 20].

В.И. Третьяков придерживается такой точки зрения, согласно которой «мотивация организации преступного сообщества не должна ограничиваться получением финансовой или иной материальной выгоды. Организаторы и участники преступного сообщества при отсутствии доминирующего мотива - материальной заинтересованности могут руководствоваться в своей преступной деятельности также и другими (религиозными, политическими) идейными мотивами» [75, с. 12-13].

Таким образом, специальные цели создания преступного сообщества являются особенностью действующего уголовного закона. После проведенного исследования можно заключить, что субъект преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ – специальный. Им является вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет и занимающее высшее положение в преступной иерархии. Кроме того, как уже отмечалось ранее в настоящей работе, в п. 24 Постановления № 12 приведены критерии, позволяющие признать лицо, занимающим высшее положение в преступной иерархии. На практике высшее положение в преступной иерархии иногда отождествляется с таким понятием, как «воры в законе» [61]. При этом суды данное понятие не раскрывают [63].

В доктрине предлагается ряд критериев, позволяющих определить статус лица, как занимающего высшее положение в преступной иерархии:

- наличие криминального звания;
- является держателем «общака»;
- имеет международные криминальные связи, если преступление носит транснациональный характер [23].

Действительно, в п. 24 Постановления № 12 целесообразно было бы закрепить критерии, позволяющие суду установить статус лица, как лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии.

2.2 Уголовно-правовой анализ занятия высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ)

Непосредственным объектом занятия высшего положения в преступной иерархии является общественная безопасность. Приоритетной целью законодателя при криминализации данного деяния было противодействие преступному миру, криминалитету, который несет свою субкультуру в общество, свою систему «ценностей», при этом, попирает основы общественной безопасности, необходимой для защиты общества от

насильственных и других преступных посягательств и поддерживающие достаточный уровень защищенности отдельной личности и в общества в целом, необходимый для его функционирования [43]. В.В. Бычков помимо непосредственного объекта, называет еще дополнительные объекты уголовно-правовой охраны, которые находятся под угрозой в результате совершения рассматриваемого преступления. К таковым относятся жизнь и здоровье человека, собственность, конституционные права и свободы человека и гражданина, экономическая деятельность [18].

Много дискуссий возникает относительно объективной стороны состава занятия лицом высшего положения в преступной иерархии. Связано это с тем, что объективная сторона, как элемент состава преступления, отражает поведение лица в момент совершения преступления. Однако законодатель, связал наступление ответственности по ст. 210.1 УК РФ с занятием лицом высшего положения в преступной иерархии. Все это вызвало ряд дискуссий среди ученых и практиков.

К примеру, В.В. Бычков считает, что объективная сторона выражается в наличии у лица статуса высшего положения в преступной иерархии [18].

По мнению Г.В. Пережогиной, несмотря на то, что диспозиция статьи 210.1 УК РФ не указывает на совершение каких-либо деяний свидетельствующих о том, что лицо занимает высшее положение в преступной иерархии, однако объективная сторона данного состава преступления представляет собой совершение лицом определенных преступных деяний. Далее автор делает вывод о том, что установить ответственность по ст. 210.1 УК РФ возможно только, если будет установлено, что такое лицо совершило хотя бы одно следующих действий:

- «координировало преступные действия;
- создавало устойчивые преступные связи;
- осуществляло раздел сфер преступного влияния и преступных доходов;
- осуществляло руководство преступными действиями» [48, с. 47].

Е.А. Хлебницына и Е.К. Шершакова считают, что объективная сторона заключается непосредственно в том, что лицо занимает высшее положение в преступной иерархии. При этом данное преступление является единичным сложным и делящимся преступлением, сущность которого состоит в наличии определенного преступного состояния [87]. Исходя из этимологического значения слова «занять», ученые решают вопрос, что составляет объективную сторону данного состава преступления: сам процесс занятия или конечный результат.

П.А. Скобликов проводит анализ обоих вариантов толкования «занятие лицом, высшего положения в преступной иерархии». В первом варианте, т.е. как процесс, ученый перечисляет способы занятия такого положения (самоназначение, назначение преемника, внепроцедурное смещение прежнего лидера с захватом власти, кооптирование в высший орган управления, избрание) [70].

Если признать уголовно наказуемым сам процесс занятия лицом высшего положения в преступной иерархии, то в силу ч. 1 ст. 10 УК РФ не подлежат уголовной ответственности лица, которые данный статус приобрели до 12 апреля 2019 года, т.е. до вступления в силу ст. 210.1 УК РФ [70, с. 151]. Однако практика придерживается иного подхода.

Так, «в производстве СЧ ГСУ ГУ МВД России по Москве находится уголовное дело, возбужденное 30 августа 2019 года по признакам преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, в отношении Джабуа И.Ш., которому инкриминируется высшее положение в преступной иерархии, а именно наличие с 2014 года по настоящее время уголовного статуса «вора в законе», распространяющего и сохраняющего преступные традиции и обычаи, имеющего опыт преступной деятельности и сферу своего преступного влияния, в том числе на территории Московского региона, Ростовской области и Красноярского края» [7].

И.В. Пантюхина и Л.Ю. Ларина, исходя из этимологического значения слова «занять», пришли к выводу о том, что законодатель слово «занятие» в

диспозиции ст. 210.1 УК РФ применил в значение не процесса, а конечного результата [47]. Именно в результате такого занятия, лицо стало обладать статусом высшего лица в преступной иерархии. В уголовном законе не обозначено в чем конкретно поведение лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, выражается как общественно опасное для окружающих. По мысли законодатель общественно опасен уже сам статус такого лица, что, по мнению И.В. Пантюхиной и Л.Ю. Лариной, не может являться основанием для наступления уголовной ответственности [47].

Действительно, если обратиться к нормам действующего УК РФ, то можно также найти некоторые составы преступлений, конструктивным признаком которых является определенный статус личности. Однако, в отличие от ст. 210.1 УК РФ ответственность таких лиц связана с использованием ими своего должностного или служебного положения в преступных целях. В связи с чем, представляется возможным согласиться с предложением И.В. Пантюхиной и Л.Ю. Лариной изменить диспозицию ст. 210.1 УК РФ заменив слово «занятие» на «использование», что позволит не только охватить все формы проявления статуса лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, но и влияние данного статуса на других лиц и саму преступную среду в целом [47]. Реализация данного предложения позволит более точно определить общественную опасность таких лиц не посредством их статуса, а их действий. При этом, решающим не обязательно является достижение желаемого преступного результата как следствие использования статуса, а нацеленность «на достижение преступных замыслов, в том числе путем совершения правомерных действий или пассивного бездействия, в отрыве от общей преступной деятельности состава преступления не образующих» [91, с. 88].

В имеющейся в настоящее время судебной практике уголовно наказуемыми признают как процесс занятия высшего положения в преступной иерархии, так и осуществление в связи с занимаемым положением функций.

Так, в ходе предварительного расследования было установлено, что ФИО принял участие в собрании лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии (так называемой «воровской сходке»), где он в результате проведения процедуры, основанной на криминальных традициях (так называемой «воровской подход»), признан лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии - так называемым «вором в законе», за которым определена зона преступного влияния в пределах территории адрес. О принятом решении уведомлены иные лица, соблюдавшие криминальные правила и традиции. Как можно заметить, о принятом решении, что данное лицо заняло соответствующее высшее положение в преступной иерархии должны быть уведомлены и другие лица. После, на аналогичной так называемой «воровской сходке» ФИО был назначен «положенцем», то есть на высшую ступень в преступной иерархии города.

В результате, ФИО, занимая высшее положение в преступной иерархии с момента назначения, то есть с конкретной даты, когда было принято решение на «воровской сходке с целью занятия высшего положения в уголовно-преступной среде - получение титула «вора в законе», обязывал всех лиц уголовно-преступной среды на конкретной территории, имеющих более низкие криминальные статусы, подчиняться его воле, указаниям и распоряжениям, принимал меры по созданию устойчивых связей между различными и самостоятельно действующими организованными преступными группами и группировками. Пользуясь у лиц, придерживающихся криминальной идеологии, безоговорочным авторитетом, а также поддержкой неустановленных лиц, обладающих титулом «вор в законе», ФИО осуществлял и по настоящее время осуществляет организационно-распорядительные функции среди лиц и групп, входящих в преступную среду на конкретной территории, в целях контроля и координации их деятельности назначает лиц, так называемых «смотрящих», за условно разделенными районами адрес в целом, а также «смотрящих» за так называемым «крышиванием» рынков на территории адрес. ФИО также

принимает непосредственное участие в разрешении различных конфликтных ситуаций среди лиц и организаций, входящих в преступную среду, на территории города, организывает и непосредственно контролирует распределение денежных средств, поступающих в неформальную воровскую казну – «общак», руководит и координирует его своевременное пополнение, контролирует и руководит приискание новых легальных и нелегальных источников дохода для пополнения «общака» [56].

Приведенный пример, показывает, что органы предварительного следствия и суды для квалификации действий виновного по ст. 210.1 УК РФ принимают во внимание совокупность действий, позволяющих сделать вывод о том, что данное лицо не просто занимает соответствующее высшее положение в преступной иерархии, но и выполняет подобающие своему положению функции, направленные на создание всех условий необходимых для осуществления преступной деятельности. Не однозначно решается вопрос и о моменте окончания исследуемого состава преступления.

П.А. Скобликов полагает, что «если занятие лицом высшего положения в преступной иерархии понимать как процесс такого занятия, то преступление окончено с момента приобретения лицом статуса высшего положения в преступной иерархии». В случае признания позиции занятия лицом высшего положения в преступной иерархии как результат, то преступление является длящимся, т.к. с момента приобретения данного статуса появляются некие обязанности [70, с. 148].

По мнению Е.А. Хлебницыной и Е.К. Шершаковой, преступление считается оконченным с момента, когда лицо заняло высшее положение в преступной иерархии независимо от продолжительности обладания таким статусом [87].

И.В. Пантюхина и Л.Ю. Ларина, также полагая, что «занятие лицом высшего положения в преступной иерархии, позволяет считать данное преступление длящимся. Однако, длящиеся преступление считается оконченным с момента прекращения преступного поведения или с момента

пресечения такого преступного поведения». В тоже время, привлечение виновного к ответственности по ст. 210.1 УК РФ не лишает данное лицо его статуса. Вывод ученых не утешителен, так как получается, что привлечение лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, не пресекает данное преступление. Более того, привлечение к ответственности лиц, которые уже в силу возраста или здоровья не принимают участие в преступной деятельности, но продолжают занимать высшее положение в преступной иерархии, нарушает принципы законности, справедливости и гуманизма. Представляется, что с таким мнением ученых сложно согласиться, т.к. даже, если такое лицо не принимает непосредственное участие в преступной деятельности, но продолжает обладать соответствующим криминальным статусом, не делает данное лицо общественно не опасным, который может являться идейным вдохновителем преступной деятельности, негласно или гласно поддерживать, отдавать необходимые приказы и распоряжения. Решить данный вопрос поможет изменение диспозиции статьи 210.1 УК РФ с указанием на использование статуса лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии [48, с. 165].

Субъективная сторона, рассматриваемого состава преступления, характеризуется прямым умыслом. При этом, направленность определяется в зависимости от того как тот или иной ученый понимают занятие высшего положения в преступной иерархии – как процесс или как конечный результат. В.В. Бычков, считает, что «умысел направлен на достижение результата, т.е. занятие высшего положения в преступной иерархии. Лицо осознает общественную опасность и противоправность своего статуса в преступной иерархии и желает этого. В интеллектуальный элемент умысла лица входит осознание того, что он занимает высшее положение в преступной иерархии. Волевой элемент характеризуется желанием этого» [18, с. 29].

Так, ФИО, действуя умышленно, из корыстных побуждений и иной личной заинтересованности, с целью занятия лидирующего положения в уголовно-преступной среде и повышения своего преступного авторитета,

осознавая противоправность своих действий и наступление общественно опасных последствий в виде нарушения общественной безопасности, нормального функционирования государственных, коммерческих и иных организаций и общественных объединений, и желая этого, принял участие в собрании лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, где он в результате проведения процедуры, основанной на криминальных традициях был признан лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии [56].

Таким образом, признаками субъективной стороны состава занятия лица высшего положения в преступной иерархии на практике также признается умысел, корыстные побуждения и цель - занятия высшего положения в уголовно-преступной среде.

Высшую ступень в преступной иерархии занимают воры в законе, которые выполняют следующие функции [23]:

- распределяют сферы влияния;
- может являться держателем общака;
- осуществляет «судейские» функций, т.е. разрешает конфликтные ситуации внутри криминальной среды;
- проводят воровские сходки;
- поддерживают криминальную субкультуру, являются идеологами преступного мира [18].

Положенцы назначаются воров в законе, которые в его отсутствие и от его имени выполняют делегированные им функции. Смотрящие принимают решения по определенному направлению преступной деятельности [18]. В целом, субъектом данного преступления могут являться не только воры в законе, но и положенцы, смотрящие, держатели общака.

Проведенный уголовно-правовой анализ составов преступлений, совершаемых лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, непосредственным объектом организации преступного сообщества лицом, занимающим высшее

положение в преступной иерархии, являются общественные отношения, обеспечивающие безопасность общества от насильственных и других преступных посягательств и поддерживающие необходимый для функционирования общества уровень его защищенности. Объективные признаки раскрываются в частях 1 и 1.1. ст. 210 УК РФ. С субъективной стороны – умышленная форма вины.

Во-вторых, непосредственным объектом занятия высшего положения в преступной иерархии является общественная безопасность. Необходимо поддержать позицию ученых, которые предлагают изменить диспозицию ст. 210.1 УК РФ заменив слово «занятие» на «использование», что позволит не только охватить все формы проявления статуса лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, но и влияние данного статуса на других лиц и саму преступную среду в целом. Реализация данного предложения позволит более точно определить общественную опасность таких лиц не посредством их статуса, а их действий. Признаками субъективной стороны состава занятия лица высшего положения в преступной иерархии на практике признается умысел, корыстные побуждения и цель - занятие высшего положения в уголовно-преступной среде. Субъект данного преступления – специальный, которыми могут быть лица, занимающие определенное положение в преступной иерархии.

Глава 3 Вопросы уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии

3.1 Проблемы квалификации преступлений, совершаемых лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии

Для правильной квалификации преступных деяний лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, предполагает в некоторых случаях отграничения данных преступлений от смежных составов преступлений. Как было установлено, в УК РФ лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии несут ответственность по ч. 4 ст. 210 и ст. 210.1 УК РФ. Поэтому, прежде всего, необходимо провести отграничительный анализ данных составов преступлений.

Согласно п. 24 Постановления № 12 применительно к ч. 4 ст. 210 УК РФ для привлечения к ответственности лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии необходимо установить следующее:

- во-первых, какое положение в преступной иерархии занимает привлекаемое к ответственности лицо;
- во-вторых, в чем конкретно выразились действия такого лица по созданию или по руководству преступным сообществом (преступной организацией) либо по координации преступных действий, созданию устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами либо по разделу сфер преступного влияния и преступных доходов, а также другие преступные действия, свидетельствующие о его авторитете и лидерстве в преступном сообществе (преступной организации).

Относительно состава ст. 210.1 УК РФ в указанном Постановлении Верховный Суд РФ пока не дает каких-либо разъяснений. Исходя из проведенного в предыдущей части настоящей магистерской диссертации уголовно-правового анализа состава занятия высшего положения в

преступной иерархии, получается, что составы ч. 4 ст. 210 и ст. 210.1 УК РФ совпадают по субъекту. Иными словами, субъект обоих состав преступлений - специальный, т.е. вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет и занимающее высшее положение в преступной иерархии. Следовательно, для квалификации по ст. 210.1 УК РФ также необходимо установить какое положение занимает привлекаемое к ответственности лицо, в преступной иерархии. Однако объективная сторона состава ст. 210.1 УК РФ отличается от объективной стороны состава ч. 4 ст. 210 УК РФ.

Для квалификации действий лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии по ч. 4 ст. 210 УК РФ необходимо установить совершение им каких либо действий, из указанных в диспозиции ч. 1 и ч. 1.1 ст. 210 УК РФ. Однако к указанным в диспозициях ч.ч. 1 и 1.1. ст. 210 УК РФ действиям, Верховный Суд РФ добавляет и иные действия, свидетельствующие об авторитете и лидерстве данного лица в преступном сообществе (преступной организации).

Например, квалифицируя действия Чкадуа по ч. 4 ст. 210 УК РФ, суд указал, что он занимал высшее положение в преступной иерархии, будучи «вором в законе», и выполнял следующие функции: осуществление организационных и управленческих функций в отношении преступного сообщества и его участников; подбор и вербовка руководителей входящих в его состав структурных подразделений, а также контроль за их действиями; планирование и координация деятельности преступной организации и т.д., т.е. осуществлял руководство преступным сообществом. Об осуществлении руководства преступным сообществом свидетельствовало следующее: Чкадуа разработал основные принципы, стратегию и тактику деятельности преступного сообщества, определил цели и задачи входящих в состав преступной организации структурных подразделений, распределил функции и роли между собой и их руководителями; планировал и координировал деятельность участников и структурных подразделений преступной организации; устанавливал, поддерживал связь и обмен информацией в

сообществе между его структурными подразделениями и участниками, организовывал встречи лидеров структурных подразделений; поддерживал дисциплину в преступном сообществе; защищал членов преступного сообщества от иных преступных формирований; определял в случае возникновения конфликтов с другими преступными группами тактику поведения участников возглавляемого им преступного сообщества, в том числе принимал решение о применении мер физического насилия, уничтожения и повреждения имущества; формировал материально-финансовую базу преступного сообщества [10].

Объективная же сторона состава ст. 210.1 УК РФ выражается в том, что лицо занимает высшее положение в преступной иерархии. При этом, как было отмечено в настоящей магистерской диссертации, занятие высшего положения в преступной иерархии пока еще имеет только доктринальное толкование и означает и процесс, и результат такого процесса. На практике объективная сторона раскрывается посредством доказывания осуществления лицом высшей преступной иерархии в связи с занимаемым им положением, функций, направленных на создание всех условий необходимых для осуществления преступной деятельности [56].

Так, уголовное дело было возбуждено в отношении ФИО1 на том основании, что он занимает высшее положение в преступной иерархии, т.е. являлся «вором в законе» и воспринимается в таком качестве лицами, занимающимися преступной деятельностью, общественностью и сотрудниками правоохранительных органов. Занимаемое положение, авторитет и влияние он использует в целях организации, руководства и координации преступной деятельности на территории Республики Дагестан, создавая угрозу общественной безопасности Российской Федерации [11].

Таким образом, в отличие от состава организации преступного сообщества лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, для вменения занятия такого положения в преступной иерархии необходимо

доказать только факт такого занятия и осуществления функций согласно занимаемому им положению.

Однако возникает вопрос о конкуренции рассматриваемых составов преступлений. Как известно, исходя из доктринального толкования общей нормы, таковой является норма, закрепляющая обобщенное понятие и включающая разновидности, т.е. специальные нормы, обладающие всеми признаками общей нормы. Получается, что ст. 210.1 УК РФ является общей нормой, которая закрепляет такое обобщенное понятие как ответственность лица, за занятие им высшего положения в преступной иерархии. Часть 4 ст. 210 УК РФ является специальной по отношению к ст. 210.1 УК РФ и предусматривает ответственность такого лица уже за совершение им конкретных действий [30].

Общие правила квалификации преступлений при конкуренции общей и специальной нормы урегулированы ч. 3 ст. 17 УК РФ, согласно которой, «если совершено преступление по специальной норме, то совокупность отсутствует и ответственность наступает по специальной норме», т.е. за конкретные действия, совершенные лицом в соответствующем статусе высшего лица в преступной иерархии. Иными словами, если такое лицо совершило преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 210 УК РФ, то его действия не нуждаются в дополнительной квалификации по ст. 210.1 УК РФ.

Такой же позиции придерживаются и судебные органы, отмечая, что фактически состав ч. 4 ст. 210 УК РФ поглощает состав преступления, предусмотренный ст. 210.1 УК РФ, так как совершение лицом первого преступного деяния само по себе предполагает факт занятия им высшего положения в преступной иерархии [11].

Однако В.Н. Бурлаков и В.Ф. Щепелькова считают, что ввиду того, что занятие высшего положение в преступной иерархии является длящимся преступлением, которое служит «фоном для совершения другого», то целесообразнее было бы в случае, если такое лицо принимает участие в создании преступного сообщества, содеянное квалифицировать по

совокупности. При этом сами же ученые и критикуют такую позицию, отмечая при такой квалификации нарушение принципа справедливости, согласно которому никто не может нести ответственность дважды за одно и то же преступление, а также перерастание менее тяжкого преступления в более тяжкое [16]. При квалификации действий лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, следует отличать от действий участников преступной организации, занимающих высшее положение в преступной организации.

К примеру, одним из высших звеньев в иерархической структуре преступного сообщества относятся подразделения «кураторов» («управляющих магазинами», «основных партнеров»). Участники данного структурного подразделения, руководимые организатором преступного сообщества, являя одним из высших звеньев в иерархической структуре преступного сообщества, занимались координацией и контролем действий участников подразделений (звеньев) «курьеров», «складов», «перевозчиков», «операторов» на территории нескольких городов или регионов, в которых действовал конкретный магазин. Лица, являвшиеся участниками данного структурного подразделения, как правило, не проживали на территории городов, где осуществлялся сбыт, вербовались организатором преступного сообщества из числа особо зарекомендовавших себя с положительной стороны и заслуживших доверие «операторов» в качестве поощрения в виде карьерного роста, напрямую подчинялись организатору преступного сообщества. «Кураторы» выполняли следующие функциональные обязанности. В данном случае, такие лица не занимают высшее положение в преступной иерархии и их действия подлежат квалификации по ч. 2 ст. 210 УК РФ как участие в преступной организации (преступном сообществе) [62].

В другом случае, Ш.И.В. с целью скорейшего создания и обеспечения функционирования организованной группы, заняв высшую должность «организатора» в преступной иерархии, в подчинении которого находились иные члены данной организованной группы, осознавая, что получение

оптимального преступного результата может быть достигнуто, в основном, за счет привлечения неосведомленных о его преступной деятельности лиц, а также понимая, что уровень конфиденциальности деятельности созданной им организованной группы может быть обеспечен только путем ограничения числа близких к администрированию используемых им в целях незаконного сбыта наркотических средств интернет – ресурсов участников преступной группы, возложил на себя ряд обязанностей. Так, Ш.И.В., располагаясь на первой ступени иерархической структуры организованной группы, к своему непосредственному ведению отнес функции «куратора», реализуемые им от лица виртуальных личностей, воспринимаемых соучастниками, а также клиентами-наркозависимыми, самостоятельными членами организованной группы. Действия Ш.И.В. были квалифицированы по п. 4 ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, т.е. деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей ст. 228.1 УК РФ, совершенные организованной группой [58].

Однако, к примеру, в ходе обыска по одному из адресов, указанных Кузьмичевым В.В. как место жительства, был изъят телефон, в котором указан контакт – «Влад Положенец», а согласно показаниям свидетеля В. термин «положенец» относится к теме организованной преступности и является одним из уровней преступной иерархии. Органы предварительного следствия выдвинули в отношении Кузьмичева обвинение по ст. 210.1 УК РФ, т.е. занятие высшего положения [13]. Вопросы возникают и при квалификации преступных действий лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, которые не предусмотрены нормами ч. 4 ст. 210 и ст. 210.1 УК РФ.

Так, в 2012 году, более точное время следствием не установлено, ранее судимый Дандар М.Х., занимающий среди ранее судимых лиц Республики Тыва так называемый статус «смотрящего», то есть высшее место в преступной иерархии, обладая лидерскими и организаторскими качествами, имея опыт преступной деятельности, преследуя цель незаконного обогащения, реализуя умысел, направленный на получение незаконного дохода, решил под своим общим руководством создать на территории Республики Тыва

организованные группы, состоящие из ранее судимых лиц, члены которых объединены единой целью – совершение тяжких и особо тяжких преступлений корыстно-насильственной направленности для получения финансовой и иной материальной выгоды, а именно, совершение систематических вымогательств и иных преступлений против собственности. После чего, как лицо, занимающее главенствующее положение в уголовно-преступной среде, действуя во исполнение преступного умысла, направленного на создание организованных групп с участием неустановленных в ходе следствия лидеров уголовно-преступной среды разных населенных пунктов и районов Республики Тыва, организовал среди ранее судимых так называемую «сходку», где, посвятив в свои преступные намерения участников «сходки», выдвинул требование, чтобы последние в своих районах создавали и возглавляли организованные группы, сформированные из ранее судимых лиц, а затем в обязательном порядке, с угрозой применения физического насилия, повреждения или уничтожения имущества, либо с применением насилия в отношении индивидуальных предпринимателей, осужденных за преступления против половой неприкосновенности и лиц, занимающихся незаконным оборотом наркотических средств, усилить ежемесячный сбор денежных средств или иного ценного имущества на так называемый «общак» ранее судимых лиц, то есть общей материально-финансовой базы, образующейся из денежных взносов от преступной деятельности, созданной для оказания материальной поддержки лиц уголовно-криминальной направленности, отбывающих наказания в местах лишения свободы.

Дандар М.Х. на добровольной основе привлек Кола Ю.Б. и Иргита Э.Д. к участию в качестве организаторов и руководителей структурных организованных групп. В результате, в 2012 году на территории Республики Тыва по инициативе Дандара М.Х. были созданы три организованные группы, двумя из которых руководили Кол Ю.Б. и Иргит Э.Д., а третьей руководил непосредственно Дандар М.Х.

В целях обеспечения организованной и целенаправленной преступной деятельности Дандар М.Х., как создатель и общий руководитель организованных групп, разработал основные принципы, стратегию и тактику их деятельности, определил структуры групп, определил цели и задачи организованных групп, распределил функции и роли между собой и их руководителями, критерии, требуемые к исполнителям. В свою очередь, Иргит Э.Д. и Кол Ю.Б., действуя во исполнение указаний Дандара М.Х., распределили в возглавляемых ими организованных группах функции и роли между их участниками.

В функции Дандара М.Х. входило осуществление организационных и управленческих функций в отношении каждой из созданных по его инициативе организованных групп и его участников; подбор и вербовка руководителей организованных групп и контроль за их действиями; координация деятельности организованных групп и его участников, раздел сфер влияния между ними; установление, поддержание связей и обмен информацией между организованными группами и его участниками, организация встреч лидеров организованных групп; поддержание дисциплины в организованных группах; в случае задержания, привлечения к уголовной ответственности участников организованных групп, обеспечение им юридической и иной помощи, направленной на поддержание заранее разработанной формы поведения, предполагающей отрицание факта знакомства между участниками организованных групп и самого существования организованных групп; формирование общей материально-финансовой базы организованных групп, в том числе, получение от его участников денежных средств, добытых в результате совершения преступлений, аккумулярование и учет преступных доходов, определение порядка их использования и распределение.

Являясь общим руководителем организованных групп, Дандар М.Х. определил порядок использования и распределения доходов, полученных от преступной деятельности данных организованных групп, что обеспечивало их

функционирование, формирование их общей финансово-материальной базы, оплату юридических услуг, материальную поддержку криминальных авторитетов, приобретение продуктов питания и иного имущества для передачи в места лишения свободы лицам уголовно-криминальной направленности.

С целью формирования общей материально-финансовой базы организованных групп Дандар М.Х. установил для участников данных групп обязанность ежемесячно вносить денежные средства от преступной деятельности, которые Дандар М.Х. аккумулировал, учитывал и распределял в соответствии с целями организованных групп. Созданные Дандаром М.Х. организованные группы характеризовались своей устойчивостью, стабильностью состава, длительностью их существования, постоянством форм, методов подготовки и совершения преступлений, а также в неоднократности совершения однотипных преступлений; сплоченностью и постоянными связями между участниками, которые не только занимались совместной подготовкой и совершением преступлений, но и поддерживали между собой тесные дружеские отношения, оказывали друг другу моральную поддержку, распределением полученных в результате преступлений денег между участниками, совместным проведением свободного времени и досуга; а также распределением ролей среди членов групп и согласованностью в своих преступных действиях, направленных на достижение единого преступного результата.

Участник каждой организованной группы осознавал, что его действия являются частью общей преступной деятельности, направленной на достижение единого для всех преступного результата – получение преступного дохода от совершенных вымогательств и иных преступлений против собственности. Умыслом каждого члена группы охватывалось наличие других участников, выполняющих отведенные им роли в общем преступном плане. В каждом районе Республики Тыва имелся свой «смотрящий», который назначается Дандаром М.Х.

Дандар М.Х. организовывал «сходки» среди ранее судимых лиц, на которых обсуждались текущие вопросы ранее судимых лиц, сбор денег в «общак» и т.д. «Смотрящие» появились в целях упорядочения жизни ранее судимых лиц в части взаимной поддержки в тех или иных ситуациях.

Ссылаясь на ч. 5 ст. 35 УК РФ, согласно которой, лица, создавшие организованную группу либо руководившие ею, подлежат уголовной ответственности за все преступления, совершенные этой организованной группой, если они охватывались их умыслом, суд пришел к следующим выводам исходя из фактических обстоятельств дела. Совершение Дандар М.Х. вымогательств организованной группой подтверждено совокупностью исследованных судом доказательств. В результате Дандара был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 330, п. «а» ч. 3 ст. 163, пунктами «а, в» ч. 3 ст. 163, п. «а» ч. 3 ст. 163 и п. «а» ч. 3 ст. 163 УК РФ. Однако, как можно заметить, действия Дандара не были квалифицированы по ч. 4 ст. 210 УК РФ, хотя в приговоре были приведены все необходимые факты, подтверждающие создания им организованного преступного сообщества и выполнение функций лица, занимающего лидирующее положение в преступной иерархии [59].

О достаточной сложности нормы ст. 210.1 УК РФ свидетельствует и то, что, хотя норма и сформулирована федеральным законодателем, однако в силу непродолжительности ее существования какие-либо официальные толкования этой нормы и официальные толкования понятий, связанных с функционированием преступной иерархии, отсутствуют. Законодатель сформулировал норму предельно кратко – «Занятие высшего положения в преступной иерархии», а порядок занятия этого положения предстоит определить правоприменителю. Кроме того, предусматривая уголовную ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии, законодатель не предусмотрел в качестве признаков объективной стороны преступления совершение каких-либо нападений или хищений по аналогии с руководством бандой, поэтому, в случае совершения какого-либо другого

преступления, данное лицо несет ответственность за конкретное совершенное им преступное деяние.

3.2 Вопросы назначения наказания лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии

Как известно, цели исправления осужденного, предупреждение совершения им новых преступлений, а также восстановление социальной справедливости достигаются посредством применения наказания за совершенное преступление. Санкцией ч. 4 ст. 210 УК РФ предусмотрено наказание в виде лишения свободы со штрафом либо без такового и с ограничением свободы или пожизненное лишение свободы. Такое наказание означает, что данное преступление относится к категории особо тяжких преступлений, т.к. нижний порог наказания составляет 15 лет.

Федеральный закон от 01.04.2019 г. № 46 санкцию ч. 4 ст. 210 УК РФ расширил, добавив к основному наказанию в виде лишения свободы на определенный срок штраф в размере до 5000000 рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового и с ограничением свободы на срок от 1 до 2 лет.

Санкция ст. 210.1 УК РФ предусматривает наказание также в виде лишения свободы, но на срок от 8 до 15 лет, так же, как и санкция ч. 4 ст. 210 УК РФ со штрафом в размере до 5000000 миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового и с ограничением свободы на срок от 1 до 2 лет. Наказание в виде пожизненного лишения для данного состава преступления не предусмотрено.

Однако порядок назначения наказаний за рассматриваемые преступления, совершенные лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии – одинаков.

Во-первых, осужденным по ч. 4 ст. 210 и ст. 210.1 УК РФ не может быть назначено наказание в виде низшего предела. Следует обратить внимание на

то, что до внесения изменений в ч. 3 ст. 64 УК РФ Федеральным законом от 01.04.2019 г. № 46-ФЗ при наличии исключительных обстоятельств, изложенных в ч. 1 ст. 64 УК РФ за преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 210 УК РФ, могло быть назначено наказание ниже низшего предела, что позволяло применить нормы об условном осуждении. Более того, суд мог назначить и более мягкий вид наказания.

В результате внесенных Федеральным законом от 01.04.2019 г. № 46-ФЗ изменений в ч. 3 ст. 64 УК РФ, виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 210 и ст. 210.1 УК РФ не может быть назначено наказание ниже низшего предела, предусмотренного указанными статьями, или назначен более мягкий вид наказания, чем предусмотренный соответствующей статьей, либо не применен дополнительный вид наказания, предусмотренный в качестве обязательного.

Данная норма УК РФ, по мнению Конституционного Суда РФ, «направлена на реализацию принципа справедливости, согласно которому наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного (ч. 1 ст. 6 УК РФ). Законодатель, определяя содержание уголовного закона, устанавливает преступность тех или иных общественно опасных деяний, их наказуемость, учитывая степень распространенности таких деяний, значимость охраняемых законом ценностей, на которые они посягают, и существенность причиняемого ими вреда» [46].

При этом непосредственно из Конституции РФ не вытекает обязанность законодателя закреплять в уголовном законе положения, предусматривающие возможность назначения лицу более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление, без учета общественной опасности совершенного деяния [36].

Во-вторых, при назначении наказания лицу, занимающему высшее положение в преступной иерархии, применяются положения ч. 4 ст. 56 УК РФ

в части назначения наказаний по совокупности преступлений, согласно которой, при частичном или полном сложении сроков лишения свободы при назначении наказания по совокупности преступлений максимальный срок лишения свободы не может быть более 30 лет, а по совокупности приговоров – более 35 лет.

В-третьих, ч. 4 ст. 210 и ст. 210.1 УК РФ включены в перечень преступлений, при совершении которых суд не может назначить условное наказание (пункт «а.1» ч. 1 ст. 73 УК РФ).

Как можно заметить, законодатель Федеральным законом от 01.04.2019 г. № 46-ФЗ ужесточил наказание, предусмотренное санкцией ч. 4 ст. 210 УК РФ в прежней редакции. Данная позиция законодателя вызывает в доктрине справедливую критику. П.А. Скобликов полагает, что ужесточение ответственности происходит в двух случаях, когда установленные в санкции виды и размеры наказаний не соответствуют тяжести преступления и не выполняют предупредительную роль. Однако применительно к санкции ч. 4 ст. 210 УК РФ в прежней редакции такое объяснение необходимости ужесточить наказание не применимо, т.к. санкцией уже было предусмотрено строгое наказание в виде пожизненного лишения свободы, или же когда либеральная правоприменительная практика, не позволяющая пресекать преступную деятельность, т.к. виновным назначаются излишне мягкие наказания при законной возможности назначения более строгого наказания [91]. Наличие таковой применительно к ч. 4 ст. 210 УК РФ также отсутствует, в виду практически неприменения данной нормы на практике. Так, в одном из нескольких приговоров, вынесенных по ч. 4 ст. 210 УК РФ в отношении Чкадуа было назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 15 лет. Апелляционная жалоба на приговор была оставлена без удовлетворения. При этом, «полное отсутствие какой-либо правоприменительной практики, и причина такого положения кроется отнюдь не в мягкости уголовного закона» [69, с. 106].

Объяснение внесенных изменений в санкцию ч. 4 ст. 210 УК РФ в части ее ужесточения П.А. Скобликов объясняет «уголовно-правовой конъюнктурой» желающей «продемонстрировать намерение усилить борьбу с организованной преступностью», избрав «для этого быстрый и легкий способ - принятие очередного закона для «галочки», в расчете получить благоприятный медийный резонанс и другие политические дивиденды, пренебрегая при этом серьезной проработкой законопроекта и получением экспертного прогноза о его возможном влиянии на правоприменительную практику» [71, с. 31].

Действительно, соглашаясь с такой позицией, следует обратить внимание на критику ученых относительно того, что законодатель, назвав квалифицирующий признак посредством использования криминологических терминов в ч. 4 ст. 210 УК РФ, но не определил его. Более того, по справедливому замечанию П.В. Агапова, «правовое государство не должно признавать «воровские градации» и тем более законодательно закреплять их» [4]. Все это затрудняет применение данной нормы на практике «как не поддающийся установлению и доказыванию». При этом законодатель никаким образом не отреагировал на отсутствие судебной практики, и не предпринял попыток усовершенствовать диспозицию данной нормы УК РФ [20].

Поэтому, ужесточение санкции ч. 4 ст. 210 УК РФ и при этом не устранение недостатков диспозиции нормы никаким образом не окажут влияние на правоприменительную практику, которая также будет иметь единичный характер либо расширится за счет вынесенного прецедентного приговора.

Кроме того, может возникнуть опасность привлечения к ответственности лиц, которые не заслуживают столь сурового наказания в виду правовой неопределенностью диспозиции рассматриваемых норм. Примером может являться ситуация, когда лицо, сохраняя свой статус, не

занимается, не осуществляет функции лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии в виду болезни или старости [71].

Однако и привлечение лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, к уголовной ответственности не лишает его своего статуса. И в процессе отбывания наказания, такое лицо пребывает в своем преступном статусе. Получается, что уголовное наказание в данном случае не может достичь цели пресечения преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ. Не несет в себе наказание и элементов кары, т.к. преступная элита, в случае несения наказания в виде лишения свободы оказываются в привычной им среде, чувствуют себя главарями и своим влиянием и авторитетом препятствуют достижения целей наказания в отношении других осужденных лиц [14].

Помимо сказанного, П.В. Агапов ставит вопрос об обоснованности применения пожизненного лишения свободы как наказания альтернативного лишению свободы на определенный срок, предусмотренное санкцией ч. 4 ст. 210 УК РФ. По мнению ученого, «факт воровской сходки не влечет такие разрушительные общественно опасные последствия, которые, к примеру, влечет террористический акт, т.е. преступления, влекущие за собой многочисленные человеческие жертвы» [4]. Таким образом, пока имеются предпосылки к произвольному толкования ч. 4 ст. 210 и ст. 210.1 УК РФ с тяжелыми последствиями для обвиняемых, а значит, имеются и предпосылки для злоупотреблений и коррупции.

В заключении рассмотрения вопросов, возникающих при привлечении к уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, необходимо сделать ряд выводов. Во-первых, был проведен отграничительный анализ составов преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 210 и ст. 210.1 УК РФ. Субъект обоих состав преступлений - специальный, т.е. вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет и занимающее высшее положение в преступной иерархии. Однако, в отличие от состава организации преступного сообщества лицом, занимающим высшее

положение в преступной иерархии, для вменения занятия такого положения в преступной иерархии необходимо доказать только факт такого занятия и осуществления функций согласно занимаемому им положению.

Во-вторых, достижение целей уголовных наказаний в отношении лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии проблематично, т.к. привлечение таких лиц к уголовной ответственности не лишает их преступного статуса. И в процессе отбывания наказания, такое лицо пребывает в своем преступном статусе. Получается, что уголовное наказание в данном случае не может достичь цели пресечения преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ. Не несет в себе наказание и элементов кары, т.к. представители преступной элиты, в случае несения наказания в виде лишения свободы оказываются в привычной им среде, чувствуют себя главарями и своим влиянием и авторитетом препятствуют достижению целей наказания в отношении других осужденных лиц.

Заключение

Обобщая проведенный анализ уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, можно сформулировать следующие выводы.

1. Проведенный краткий обзор истории становления и развития института соучастия показал, что законодатель регулировал только вопросы относительно форм, видов соучастия и дифференцировал ответственность соучастников, а также предусматривал меры социальной защиты от отдельных категорий лиц, которые не являлись лидерами преступного мира. Лидеры преступных групп, т.е. лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии несли ответственность только за конкретно совершенные преступления и в зависимости от формы и вида их соучастия в инкриминируемом им деянии. Тем более, не признавалось уголовно наказуемым их занятие высшего положения в преступной иерархии, т.е. их статус в преступном мире как таковой, в отличие от ныне действующего уголовного закона, в котором ответственность лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии расширена и наступает уже не только за конкретно совершенное преступное деяние, но и преступным признается само занятие данного положения в преступном мире.

2. Родовым и видовым объектом преступлений, совершаемых лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии, является общественная безопасность, т.е. состояние защищенности общества от общественно-опасных посягательств на безопасную жизнедеятельность человека, общества и общественный порядок. Исследуемые составы преступлений отличаются от других преступлений, родовым и видовым объектом которых также является общественная безопасность – специальным субъектом, который характеризуется общественно опасным состоянием.

По классификационным основаниям, преступления, совершаемые лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии, относятся

к преступлениям против общей безопасности, посягающие на состояние защищенности личности, общества и государства от разнообразных внутренних и внешних угроз общепасного характера.

3. Следует согласиться с учеными в том, что для установления факта, что данное лицо занимает высшее положение в преступной иерархии необходимо выяснять факты, которые позволят установить, что конкретное лицо обладает определенным авторитетом и занимает лидирующее положение в преступном мире, которое может быть ограничено конкретной территорией или сферой преступной деятельности. Действующее уголовное законодательство пока не выработало ни таких критериев, ни понятие лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии.

4. Непосредственным объектом организации преступного сообщества лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии - общественные отношения, обеспечивающие безопасность общества от насильственных и других преступных посягательств. Объективные признаки данного состава преступления раскрываются в частях 1 и 1.1. ст. 210 УК РФ. С субъективной стороны, исследуемый состав преступления характеризуется умышленной формой вины.

5. Непосредственным объектом занятия высшего положения в преступной иерархии является общественная безопасность. Приоритетной целью законодателя при криминализации данного деяния было противодействие преступному миру, криминалитету, который несет свою субкультуру в общество, свою систему «ценностей», при этом, попирает основы общественной безопасности, необходимой для защиты общества от насильственных и других преступных посягательств и поддерживающие достаточный уровень защищенности отдельной личности и в общества в целом, необходимый для его функционирования.

Много дискуссий возникает относительно объективной стороны состава занятия лицом высшего положения в преступной иерархии. Связано это с тем, что законодатель, связал наступление ответственности по ст. 210.1 УК РФ с

занятием лицом высшего положения в преступной иерархии. Все это вызвало ряд дискуссий среди ученых и практиков.

В имеющейся в настоящее время судебной практике уголовно наказуемыми признают как процесс занятия высшего положения в преступной иерархии, так и осуществление в связи с занимаемым положением функций. Органы предварительного следствия и суды для квалификации действий виновного по ст. 210.1 УК РФ принимают во внимание совокупность действий, позволяющих сделать вывод о том, что данное лицо не просто занимает соответствующее высшее положение в преступной иерархии, но и выполняет подобающие своему положению функции, направленные на создание всех условий необходимых для осуществления преступной деятельности.

Не однозначно решается вопрос и о моменте окончания исследуемого состава преступления. Представляется, что занятие лицом высшего положения в преступной иерархии, позволяет считать данное преступление дящимся. При этом, даже, если такое лицо не принимает непосредственное участие в преступной деятельности, но продолжает обладать соответствующим криминальным статусом, не делает данное лицо общественно не опасным, который может являться идейным вдохновителем преступной деятельности, негласно или гласно поддерживать, отдавать необходимые приказы и распоряжения. Решить данный вопрос поможет изменение диспозиции статьи 210.1 УК РФ с указанием на использование статуса лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии.

Признаками субъективной стороны состава занятия лица высшего положения в преступной иерархии на практике признается умысел, корыстные побуждения и цель - занятие высшего положения в уголовно-преступной среде. Субъектом данного преступления могут признаваться наряду с ворами в законе, положенцы, смотрящие, держатели общака и блатные.

6. Рассматривая проблемы квалификации преступлений, совершаемых лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии, был

проведен отграничительный анализ составов преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 210 и ст. 210.1 УК РФ. Данные составы преступлений отличаются признаками объективной стороны преступления. Так, в отличие от состава организации преступного сообщества лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, для вменения занятия такого положения в преступной иерархии необходимо доказать только факт такого занятия и осуществления функций согласно занимаемому им положению.

7. Достижение целей уголовных наказаний в отношении лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии проблематично, т.к. привлечение таких лиц к уголовной ответственности не лишает их преступного статуса. И в процессе отбывания наказания, такое лицо пребывает в своем преступном статусе. Получается, что уголовное наказание в данном случае не может достичь цели пресечения преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ. Не несет в себе наказание и элементов кары, т.к. представители преступной элиты, в случае несения наказания в виде лишения свободы оказываются в привычной среде, чувствуют себя главарями и своим влиянием и авторитетом препятствуют достижению целей наказания в отношении других осужденных лиц.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о целесообразности изложить диспозицию ст. 210.1 УК РФ следующим образом:

«Статья 210.1. Занятие высшего положения в преступной иерархии
Занятие высшего положения в преступной иерархии, т.е. использованием лицом статуса высшего положения в преступной иерархии».

Список используемой литературы и используемых источников

1. Абрамкин В.Ф. Как выжить в советской тюрьме. В помощь узнику. Красноярск: Агентство «Восток», 1992. 191 с.
2. Авторитета отправили на седьмой срок. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1674447/print>. (дата обращения: 10.10.2020).
3. Агапов П. Организация преступного сообщества (преступной организации): некоторые проблемы юридической оценки // Уголовное право. 2006. № 2. С. 29.
4. Агапов П. Преступления против общественной безопасности, сопряженные с организованной преступной деятельностью [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?NOQUERYLOG=1&req=query&ts=113810443706523205095579611&cacheid=5DA697AAF24FD5378ABF21C31340625C&from=key&rnd=B6E352A480583690949B4D8BF572D9AD#009875864968484216> (дата обращения: 15.02.2021).
5. Агапов П.В., Сухаренко А.Н. Актуальные проблемы борьбы с лидерами преступной среды России // Безопасность бизнеса. 2017. № 5. С. 33-39.
6. Александров Ю. К. Очерки криминальной субкультуры. М. : Права человека, 2001. 152 с.
7. Апелляционное постановление Московского городского суда от 04.03.2020 г. по уголовному делу № 10-4697/2020 [Электронный ресурс] // Дата обращения <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/fd713f14-427e-4ef4-b5e2-> (дата обращения: 15.11.2020).
8. Апелляционное определение Московского городского суда от 22.04.2016 г. по делу № 10-3922/2016 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
9. Апелляционное определение Московского городского суда от 25.07.2016 г. № 10-9181/2016 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

10. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29.05.2018 г. № 51-АПУ18-4 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

11. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Дагестан № 22К-2206/2019 от 15.11.2019 г. по делу № 22К-2206/2019 [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/fAGvqyuWtvVQ/?page=2®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular- (дата обращения: 15.11.2020).

12. Апелляционное постановление Московского городского суда от 20.07.2017 г. по делу № 10-3626/2017 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

13. Апелляционное постановление Томского областного суда № 22-754/2020 22К-754/2020 от 16.04.2020 г. по делу № 3/2-42/2020 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/k55ybukDulba/?regular-txt> (дата обращения: 10.11.2020).

14. Барабанов Н. П. Криминальная субкультура осужденных в исправительных учреждениях: «воры в законе», «воровские группировки», лидеры уголовно-преступной среды, криминальные «авторитеты» // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 1. С. 17-25.

15. Бикеев И.И. Ответственность за незаконный оборот огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: дис. ... канд. юрид. наук. Йошкар-Ола, 2000. 217 с.

16. Бурлаков В.Н., Щепельков В.Ф. Лидер преступного сообщества и основание ответственности: постмодерн в уголовном праве // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 3. С. 465-476.

17. Быков В. Организация преступного сообщества (преступной организации) // Законность. 2010. № 2. С. 20-26.

18. Бычков В.В. Уголовно-правовая характеристика высшего положения в преступной иерархии (статья 210.1 УК РФ) // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 26-31.

19. Воронов А.М. Проблемы теории и практики обеспечения общественной безопасности Российской Федерации: монография. М. : ВНИИ МВД России, 2006. 224 с.
20. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. 4-е изд., перераб. и доп. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2010. С. 553-554.
21. Геворкян М.В. Уголовно-правовая характеристика бандитизма: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1997. 156 с.
22. Гладких В. И. Одолеет ли новый закон воров в законе // Российский следователь. 2019. № 5. С. 12-16.
23. Григорьев Д.А., Морозов В.И. Как определить лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии? // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 4 (30). С. 50-58.
24. Гришко А.Я. Особо квалифицирующий признак создания преступного сообщества (преступной организации) // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2 (38). С. 82-85.
25. Гришко А.Я. Уголовная ответственность лидеров преступного мира: вопросы реализации // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. № 1 (87). С. 46-51.
26. Ефимкин М.С. Роль «воров в законе» в организации преступной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 4. С. 98-99.
27. Жилкин М.Г. Преступления против общественной безопасности: понятие, общая характеристика и виды // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Юриспруденция. 2015. № 5. С. 48-50.
28. Закомолдин Р.В. Преступные нарушения специальных правил и требований безопасности: монография. Тольятти: Филиал РГСУ в г. Тольятти, 2013. 168 с.

29. Иванчин А. В. Оптимизация уголовно-правовых средств борьбы с организованной преступностью: критический анализ актуальных инициатив // Вестник Ярославского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2019. № 2. С. 54-58.

30. Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм: монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2015. 288 с.

31. Информация о Постановлении ЕСПЧ от 15.07.2014 по делу «Ашларба (Ashlarba) против Грузии» (жалоба № 5554/08) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2014. № 11.

32. Кадников Н.Г. Опасное состояние личности как основание уголовной ответственности // Союз криминалистов и криминологов. 2020. № 1. С. 52-58.

33. Кармановский М.С., Косьяненко Е. В. Ответственность за деяния, предусмотренные статьями 210 и 210.1 УК РФ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. 2019. № 2. С. 147-152.

34. Кецба Т.В. Уголовная ответственность за создание преступной организации и участие в ней: проблемные вопросы // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7. № 3А. С. 251-261.

35. Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства. Часть общая // Кистяковский А.Ф. - 3-е изд., печ. без перемен со 2-го – Киев : Ф.А. Иогансон, 1891. 892 с.

36. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Режим доступа:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=5F3357C51EB2520E3CD4184D2D0C251&SORTTYPE=0&BASENODE=1&ts=1942988261009258987242988437&base=LAW&n=2875&rnd=B6E352A480583690949B4D8BF572D9AD#7egc5bips1k> (дата обращения: 15.02.2021).

37. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 14.11.2013 г. № Пр-2685) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=F2531E985B1128194040DEA5D3224A26&SORTTYPE=0&BASENODE=1&ts=732744246011825556683390914&base=LAW&n=154602&rnd=B6E352A480583690949B4D8BF572D9AD#2mpe9uofqj4> (дата обращения: 15.02.2021).

38. Лихолетов А.А., Михайлов М.У. Новое в уголовном законодательстве в части противодействия организованной преступности: проблемы и пути решения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 2. С. 32-39.

39. Ломброзо Ч. Преступный человек. М. : Эксмо, 2005. 880 с.

40. Малинин В.Б. «Воры в законе» за рубежом: история проникновения // American Scientific Journal. 2017. № 16. С. 65-67.

41. Малков В.Д. Хищение огнестрельного оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ // Под ред. В.Ф. Кириченко. М. : Изд-во ВШ МВД СССР, 1971. 76 с.

42. Мондохонов А. Специальный субъект организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) // Уголовное право. 2010. № 5. С. 55-58.

43. Мондохонов А.Н. Новеллы уголовного законодательства в сфере противодействия организованной преступности: комментарий и проблемы применения // Уголовное право. 2019. № 3. С. 53 - 58.

44. Мондохонов А.Н. Организация преступного сообщества (преступной организации): новая редакция ст. 210 и 35 УК РФ // Сибирский юридический вестник. 2009. № 4 (47). С. 45-48.

45. Неклюдов Н. А. Общая часть уголовного права. СПб., 1875. 200 с.

46. Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2020 г. № 2017-О [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=315417C9501D49>

C9D4682840CFADB4F3&SORTTYPE=0&BASENODE=g1&ts=42301097706690434923724513&base=ARB&n=642951&rnd=B6E352A480583690949B4D8BF572D9AD#1xuyzy35gv3 (дата обращения: 15.02.2021).

47. Пантюхина И.В., Ларина Л.Ю. Проблемы регламентации и применения уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ) // *Lex russica* (Русский закон). 2020. № 10 (167). С. 159-170.

48. Пережогина Г.В. Вопросы уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2019. № 4 (50). С. 43-48.

49. Петров С.В. К вопросу содержательного толкования признаков объективной стороны создания или участия в деятельности преступного сообщества (преступной организации) // *Известия Юго-Западного государственного университета*. 2015. № 6 (63). С. 141-146.

50. Петровский А.В., Шпалинский В.В. Социальная психология коллектива. М., 1978. 490 с.

51. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=BF8E0A60D0CE694171086F5F9EA542DC&SORTTYPE=0&BASENODE=41&ts=11854819590093489435387066&base=ESU&n=42602&rnd=B6E352A480583690949B4D8BF572D9AD#3rf17n2l89i>. (дата обращения: 15.02.2021).

52. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=BF8E0A60D0CE694171086F5F9EA542DC&SORTTYPE=0&BASENODE=41&ts=11854819590093489435387066&base=ESU&n=45499&rnd=B6E352A480583690949B4D8BF572D9AD#1yslhzd4oc0> (дата обращения: 15.02.2021).

53. Постановление Московского городского суда от 28.10.2016 г. № 4у-4753/2016 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=C7993DF8195180738BE096B4995462CA&SORTTYPE=0&BASENODE=32910&ts=69564221308602964271838961&base=SOCN&n=750828&rnd=B6E352A480583690949B4D8BF572D9AD#2p4t4h603i8> (дата обращения: 15.02.2021).

54. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2010. № 8.

55. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 03.04.2013 г. № 6-П13 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=854A7C4A45F2BF894B1A7053C2B58172&SORTTYPE=0&BASENODE=g1&ts=7783940509473120835479288&base=ARB&n=332407&rnd=B6E352A480583690949B4D8BF572D9AD#1ttzuvz26ig> (дата обращения: 15.02.2021).

56. Постановление Преображенского районного суда г. Москвы от 14.08.2020 г. № № 3/1-197/20 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/d3991c56-30b5-4ca1-b22a-1642aec9dd88?participantArticle=%D1%81%D1%82.+210.1> (дата обращения: 15.11.2020).

57. Пояснительная записка «К проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части противодействия организованной преступности)» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=8712ECB0481F3831643EC51CC0948357&SORTTYPE=0&BASENODE=27&ts=91800729402757868043594701&base=PRJ&n=181170&rnd=B6E352A480583690949B4D8BF572D9AD#2gpoidr3uci> (дата обращения: 15.02.2021).

58. Приговор Ангарского городского суда Иркутской области № 1-138/2020 1-1527/2019 от 17.01.2020 г. по делу № 1-138/2020 [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/bttXynKsUU1/?page=2®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc (дата обращения: 15.11.2020).

59. Приговор Верховного Суда Республики Тыва № 22-508/2019 от 07.05.2019 г. по делу № 22-508/2019 [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/z012c6eexXUO/?page=3®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-workflow_stage=®ular-date_to=®ular-area=®ular-txt (дата обращения: 15.11.2020).

60. Приговор Куйбышевского районного суда г. Новокузнецка Кемеровской области № 1-39/2020 1-435/2019 от 18.02.2020 г. по делу № 1-39/2020 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/XcKAKvWLoILL/?regular-txt> (дата обращения: 15.11.2020).

61. Приговор Московского областного суда от 24.06.2013 г. по делу № 2-24/13, 2-125/2012 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

62. Приговор Московского районного суда г. Чебоксары Чувашской Республики № 1-405/2019 от 18.11.2019 г. по делу № 1-405/2019 [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/QRLijD82fgrK/?page=2®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc= (дата обращения: 15.11.2020).

63. Приговор Приморского краевого суда от 26.09.2013 г. [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

64. Прохорова М.Л., Прохоров Л.А. Занятие высшего положения в преступной иерархии: эволюция уголовно-правового «статуса» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 12. С. 289-292.

65. Рагулин А., Фефелов В. О понятии лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Уголовное право. 2010. № 5. С. 67-70.
66. Робак В.А. Понятие общественной безопасности, как видового объекта преступлений, предусмотренных главой 24 УК РФ // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2018. № 5. С. 194-196.
67. Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т. 3. Акты Земских соборов // под ред. О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1985. 512 с.
68. Сафронова Е.В., Лоба В.Е. «Опасное состояние личности» как криминологическая категория // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 2. С. 10-12.
69. Скобликов П.А. Высшее положение в преступной иерархии: проблемы толкования и применения ч. 4 ст. 210 УК РФ // Закон. 2019. № 7. С. 104-119.
70. Скобликов П.А. Занятие высшего положения в преступной иерархии: продолжение разговора (к вопросу о толковании ст. 210.1 УК РФ) // Закон. 2019. № 11. С. 144-152.
71. Скобликов П.А. Ужесточение ответственности по части 4 статьи 210 Уголовного кодекса Российской Федерации как образец современной уголовной политики и законотворчества // Российский судья. 2019. № 12. С. 27-35.
72. Степанов-Егиянц В.Г. К вопросу о криминализации занятия лицом высшего положения в преступной иерархии // Российский следователь. 2019. № 5. С. 44-48.
73. Сыч К.А. Идеи социологической школы уголовного права и их востребованность в законодательной практике // Пенитенциарная наука. 2014. № 28. С. 13-18.
74. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Общая часть: в 2 т. Т. 1. М., 1994. 380 с.

75. Третьяков В.И. Транснациональная организованная преступность и особенности легализации криминальных доходов: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Ростов н/Д, 2009. 42 с.

76. Уголовное право России. Практический курс: Учебно-практическое пособие // под общ. ред. Р.А. Адельханяна. М., 2004. 723 с.

77. Уголовное право России. Часть Особенная: Учебник для вузов // отв. ред. Л.Л. Кругликов. М.: Волтерс Клувер, 2005. 790 с.

78. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов // под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М. : Статут, 2012. 880 с.

79. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник // под ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комиссарова. М., 1997. 680 с.

80. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: текст и научно-практ. комментарий / Под ред. А.И. Рарога. М. : Проспект, 2010. 280 с.

81. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

82. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=FBDC18CB71CD272AF01374FD3FF52C15&SORTTYPE=0&BASENODE=1&ts=127066847009123417613160789&base=LAW&n=34492&rnd=B6E352A480583690949B4D8BF572D9AD#2gomw7ntoph> (дата обращения: 15.02.2021).

83. Указ Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 1 (Ч. II). Ст. 212.

84. Устинова Т.Д. Бандитизм: уголовно-правовая характеристика. М. : Бизнес-школа «Инетс-Синтез», 1997. 186 с.

85. Федеральный закон от 01.04.2019 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 14 (Ч. 1). Ст. 1459.
86. Ферри Э. Уголовная социология. М., 2005. 658 с.
87. Хлебницына Е.А., Шершакова Е.К. Занятие высшего положения в преступной иерархии: проблемы теории и практики // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 4. С. 132-137.
88. Хмелевский С.В. Современная система национальной безопасности России: структурно-функциональный анализ // Социально-политические науки. 2011. № 1. С. 152-156.
89. Шалагин А. Е. Криминологическая характеристика лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 4(26). С. 47-50.
90. Шевелева С.В., Дробышева О.С. Уголовная ответственность как уголовно-правовое отношение // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 5-1 (44). С. 122-126.
91. Якушева Т.В. Уголовная ответственность преступных авторитетов: новеллы законодательства // Уголовное право. 2019. № 3. С. 85-90.
92. Bjelopera J.P. Organized Crime: An Evolving Challenge for U.S. Law Enforcement [Electronic resource] / J.P. Bjelopera, K.M. Finklea. Mode of access: <https://fas.org/sgp/crs/misc/R41547.pdf>.
93. Combating Organized Crime: A Report of the 1965 Oyster Bay, New York, Conferences on Combating Organized Crime. Albany, N.Y: Office of the Counsel to the Governor, 1966. P. 19.
94. Gilinskiy Y. Organized Crime in Contemporary Russia // Current Problems of the Penal Law and Criminology / ed. E.W. Plywaczewski. Warszawa: Wolters Kluwer business, 2012. P. 167-181.

95. Organized Crime and the Financial Crisis Recent Trends in the Baltic Sea Region / ed. W. Kegö, E. Leijonmarck, A. Molcean. Stockholm-Nacka: Institute for Security and Development Policy, 2011. 153 p.

96. Sokolov V. From Guns to Briefcases: The Evolution of Russian Organized Crime // World Policy Journal. 2004. Vol. 21, № 1. P. 68-74.